

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

2.1 Национальная экономическая ментальность как институт

Связь между экономической теорией и хозяйственным поведением индивидов и домохозяйств кажется достаточно однозначной: теория обобщает универсальные принципы рационального поведения и становится, в свою очередь, методологической основой для разработки экономической политики отдельных фирм и государства в целом. Однако в странах примерно равного уровня развития и хозяйственное поведение людей, и структуры бизнеса, и экономическая политика редко одинаковы – каждая страна ищет и находит свои варианты решения универсальных проблем.

Экономическая теория определяет спектр возможных решений. Но какие именно из них целесообразно выбрать в каждом конкретном случае, трудно решить без углубленного изучения настоящего и прошлого каждой отдельно взятой страны, ее потенциала, ее социальных стереотипов, а в более общем смысле – без анализа ее *национальной экономической ментальности*. Именно национальная экономическая ментальность является основополагающим элементом хорошо известного неонституционалистам феномена *path dependency* – зависимости от предшествующего развития.

2.1.1 Содержание и структура национальной экономической ментальности

Когда говорят о ментальности, то подразумевают присутствие в сознании любого человека некоего стержня, который может при разных внешних условиях выступать в разных обликах, но при всем при этом он является единым для всего сообщества, к которому принадлежит данный индивид, и служит как бы его внутрикультурным интегратором. *Менталитет (ментальность)* как характеристика психологической жизни людей является *системой взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающейся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающей вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей*, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие эту общность от других.

Каждая социальная группа имеет свои ментальные особенности. Сколько существует типов социальной стратификации, столько существует и видов ментальности. Каждый индивид, поскольку он одновременно входит в несколько социальных групп, является носителем разных видов ментальности – этнической, классовой, гендерной, конфессиональной и т.д. Поскольку предметом изучения в нашей монографии является специфика экономического развития России, то из различных видов ментальности нас должна интересовать в первую очередь национальная хозяйственная ментальность (национальная хозяйственная культура).

*Национальная ментальность – это социально-психологическое состояние этнического сообщества (нации, народности, народа), отражающее результаты длительного и устойчивого воздействия естественно-географических и социально-экономических условий формирования и развития этого сообщества*¹³³. Национальный менталитет отражает в себе историю нации и не может оторваться, уйти от тех базовых ценностей, морали, норм, которые его формировали. С другой стороны, сформировавшийся менталитет теперь уже сам организует энергию членов общества и, таким образом, побуждает их поступать так, как они должны, испытывая удовлетворение от своих действий, соответствующих требованиям культуры. Теперь уже национальная ментальность во многом определяет пути в будущее, определяет характер развития, те формы, орудия и способы деятельности, которые адекватны потребностям национальной культуры. Качественное изменение преобладающих в национальном менталитете ценностей и стереотипов нормативного поведения – процесс длительный и чрезвычайно болезненный, особенно если это происходит под воздействием насильственных факторов.

Национальная ментальность влияет на все сферы жизни общества, в том числе и на хозяйственную деятельность. ***Особенности экономических ценностей и норм поведения, типичные в той или иной степени для всех представителей какой-либо этнической группы, характеризуют ее национальную экономическую ментальность.*** Влияние национальной экономической ментальности на хозяйственное развитие современной России (как, впрочем, и любой другой страны) выглядит в самом общем виде так (см. рис. 2.1): национальная экономическая ментальность (основополагающий неформальный институт) формируется под влиянием объективных условий жизни нации и определяет характер социально-экономических норм (формальных институтов), которые, в свою очередь, формируют историческую траекторию хозяйственного развития нации.

¹³³ См.: Бутенко А.П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 94.

Рис. 2.1. Влияние ментальности на становление экономических институтов

Экономисты считают главным принципом рациональной экономической жизнедеятельности *максимизирующее поведение*: принимая ответственные решения, индивид или коллектив стремится либо максимизировать свою выгоду от использования ограниченных ресурсов, либо минимизировать затраты ресурсов при достижении необходимого результата. Следует помнить, что для человека всегда важно не только быть богатым (иметь много потребительских благ), но и "сохранять свое лицо" в глазах окружающих. Поэтому максимизирующее поведение предполагает максимизацию как дохода, так и престижа. Различия в хозяйственной культуре ведут к различиям и в максимизирующем поведении.

По поводу структуры национальной экономической ментальности какой-либо относительно общепризнанной концепции еще нет. Мы предлагаем считать основными элементами национальной экономической ментальности (или национальной хозяйственной культуры) стереотипы потребления, нормы и образцы социального взаимодействия, организационные формы хозяйственной жизнедеятельности, ценностно-мотивационное отношение к труду и к богатству, степень восприимчивости к зарубежному опыту (см. рис. 2.2)¹³⁴.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ
(ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА)**

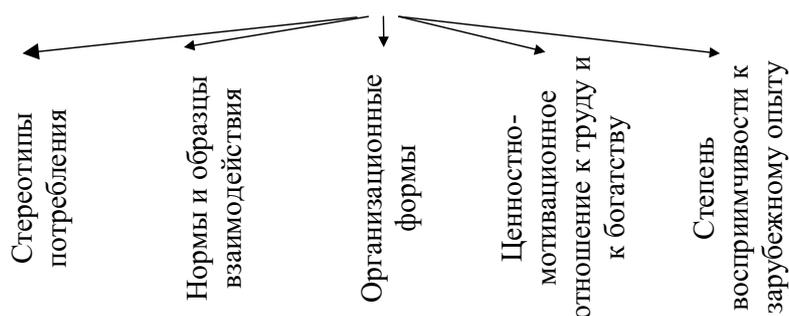

Рис. 2.2. Основные элементы национальной экономической ментальности (хозяйственной культуры)

Охарактеризуем подробнее основные элементы национальной экономической системы (хозяйственной культуры) и проиллюстрируем их примерами, показывающими степень вариативности этих институциональных характеристик.

Стереотипы потребления. Представления о нормальном потребительском бюджете и о желательных тенденциях его изменения могут варьироваться у разных народов в очень широких пределах. На одном полюсе — психология престижного потребления, характерная, например, для американского образа жизни, где принято обновлять потребительские блага (одежду, машины и т.д.) исключительно по мере того, как товары выходят из моды. Испытывающий постоянный "потребительский голод" средний американец стремится выглядеть богаче, чем он есть на самом деле. На противоположном полюсе — психология прожиточного минимума, характерная, в особенности, для отсталых народов Африки. В этом случае объем потребительских благ, необходимых для человека, традиционен и малоподвижен. Обеспечив свои минимальные потребности, работник теряет интерес к увеличению доходов.

Максимизирующее поведение наблюдается в обоих случаях, но результаты будут принципиально разными. Американец считает полезным обеспечить себе максимально возможный доход, который будет использован для покупки престижных новинок. Африканец сочтет полезным сокращать рабочее время, необходимое для обеспечения стандартного потребительского набора. Разные стереотипы потребления обуславливают и разные подходы к производству: либо — больше работать и больше получать, либо — работать как можно меньше, обеспечивая стандартные потребности.

Нормы и образцы взаимодействия хозяйствующих субъектов. Люди по-разному относятся к своим партнерам по производственному процессу. Для просвещенного современника естественна мысль о том, что люди изначально равны, что человек ценен не тем, какой он расы, национальности, фамилии и т. д., а своими собственными деловыми качествами. Однако даже в настоящее время общение людей как равного с равным отнюдь не является общепринятым, а в доиндустриальных экономических системах дискриминация — деление людей на "своих" и "чужих" — вообще была общим правилом.

Крайним примером дискриминирующей практики является кастовая система, до сих пор сохранившаяся в южно-азиатском регионе. Здесь человек от рождения принадлежит к определенной касте и обречен всю жизнь выполнять какие-либо строго определенные профессиональные обязанности. Даже сейчас государственная бюрократия в Индии представлена

¹³⁴ Этот перечень не является исчерпывающим и его можно дополнить другими компонентами (например, склонностью к риску или избеганию его), которые, однако, мы считаем более второстепенными.

в основном выходцами из высших (аристократических) каст, буржуазия — представителями средних (торговых) каст, а рабочий класс — лицами из низших (трудовых) каст. Дискриминация имеет место и в современных более развитых обществах: "белый" расизм в США, гонения на иностранных рабочих в Западной Европе, землячество и кумовство в нашей стране и т.д. Во всех подобных случаях на максимизирующее поведение и дискриминаторов, и дискриминируемых налагаются дополнительные ограничения.

Относительно независимо от расовой или национальной дискриминации в любом обществе существуют некоторые общепринятые представления о дистанции между руководителями и подчиненными. "Подобострастие" подчиненного перед начальником и авторитаризм начальника в отношении подчиненных — цивилизованное проявление все того же древнего стереотипа о неравенстве "своих" и "чужих".

Организационные формы. Хозяйственное поведение людей в огромной степени зависит от того, каковы общепринятые стереотипы взаимоотношений общества и индивида. Именно организационные формы существования хозяйственной культуры задают те формы организации труда, взаимоотношений государства и бизнеса, которые считаются нормальными, которых индивид обязан придерживаться, если он не желает испытывать общественного осуждения. Главным стереотипом, касающимся организационных форм, является склонность к самостоятельной, индивидуальной, или групповой, коллективной деятельности. В любом обществе, конечно, обязательно представлены одновременно и индивидуалистические, и коллективистские ценности, но их пропорции могут быть очень разными.

Например, американский образ жизни в высшей степени индивидуалистичен, человек здесь нацелен на максимальную самореализацию. Всюду (в том числе и в бизнесе) царит культ "звезд" — выдающихся личностей, которые поднялись на вершину общественной пирамиды из самых низов. Общество признает право талантливого индивида "идти по жизни, расталкивая окружающих". Главным регулятором хозяйственной деятельности считается, соответственно, не прямое государственное вмешательство в экономику, а судебный-законодательный механизм.

В Западной Европе, напротив, индивидуалистические и коллективистские ценности более сбалансированы. Широкой популярностью пользуются идеи о социально ответственном бизнесе и о социальном рыночном хозяйстве. В регламентации хозяйственной деятельности велика роль государственной бюрократии, выступающей от имени общества в целом. За индивидом в принципе признается право на самостоятельное и независимое поведение, но в более узких рамках, чем в Америке.

Наконец, в японской хозяйственной культуре ясно видно преобладание коллективистских ценностей. Личность здесь подчинена группе, противопоставление коллективу строго осуждается. Поэтому японцы лидируют в тех видах экономической деятельности, где необходим слаженный, кооперированный труд, но проигрывают, когда речь идет о принципиально новых разработках. Доминирование коллективистских ценностей создает атмосферу неформального поиска компромиссов, характерную и для взаимоотношений государственных чиновников с бизнесменами.

Трудовая этика. Важнейшим и одновременно наиболее легко фиксируемым компонентом хозяйственной культуры является ценностно-мотивационное отношение к труду и к богатству (как к результату труда).

Труд может трактоваться и как унижающее занятие, и как единственно возможный путь самореализации человека. Соответственно, в одном случае труд выступает лишь как средство достижения цели, в другом же — как одна из целей жизнедеятельности нормального человека. Поэтому и желание "отсидеться" на рабочем месте, и "трудоголизм" следует рассматривать как разные варианты максимизирующего поведения.

Заработанное трудом богатство также может и приветствоваться, и осуждаться. В США, например, богатство есть своего рода национальный идол: при знакомстве с неизвестным человеком здесь интересуются "сколько он стоит", делая отсюда выводы о его ценности как личности. Если в Америке богатство фетишизируется, то в Западной Европе отношение к нему гораздо более сдержанное. Естественно, что преклонение перед богатством или его осуждение не могут не влиять на максимизирующее поведение индивида, подстегивая его или ограничивая.

Степень восприимчивости к зарубежному опыту. Успех или провал национального экономического развития во многом зависит от того, как национальная хозяйственная культура реагирует на передовой зарубежный опыт — отторгает его, творчески воспринимает или механически копирует.

"Японское чудо" во многом обусловлено именно открытостью японцев перед зарубежными новшествами, умением сочетать "западную технику и японский дух". Малоизвестно, что такие характерные особенности современного японского бизнеса, как "кружки качества" и система пожизненного найма, утвердились совсем недавно: они были внедрены вскоре после второй мировой войны по рекомендациям экономических советников — "левых" экономистов из США. Однако эти "заморские новшества" быстро стали органическим элементом экономики Японии, и сейчас уже предприниматели других стран (в т. ч. и из США) внимательно изучают японский опыт, желая его заимствовать.

В экономической истории России лучше прослеживается чередование попыток копировать западный опыт и его отторгать. Только в XX в. наша страна пережила столыпинский опыт насаждения фермерства при ущемлении общины, затем большевистскую попытку построить экономику принципиально нового типа и, наконец, современные эксперименты по созданию "дикого" капитализма на американский манер. Характерно, что и акцентирование национальной "самости", и натужное желание стать "как все цивилизованные страны" не приводят к устойчивым экономическим успехам.

Таковы основные слагаемые системы национальной экономической ментальности, обыденного экономического мышления.

Рассмотрим теперь, каков уровень развития научных знаний о специфике экономической ментальности людей, сформированных российской культурой.

2.1.2 Эволюция этнологических воззрений в России и во всем мире

Специфический "национальный менталитет" россиян и его трудно предсказуемое влияние на экономическое развитие нашей страны упоминаются в научной и, особенно, в публицистической литературе настолько часто, что любой готов воскликнуть: "Да кто же этого не знает!". Но при всей тривиальности самого факта наличия у россиян (как и у представителей любой иной нации) особого менталитета, его научный анализ и, тем более, эмпирическая проверка до сих пор остаются для России одной из важнейших проблем.

Как это ни парадоксально, но в России не так много признанных специалистов, специализирующихся на изучении российской экономической ментальности, хотя научной и околонаучной публицистики (часто, весьма талантливой) о "таинственной русской душе" – более чем достаточно. Говорить о создании целостной отечественной школы, занимающейся изучением разных аспектов национального характера и менталитета, пока еще рано, хотя определенный вектор ее дальнейшего развития уже четко прослеживается.

Чтобы понять суть происходящих в науке процессов, попытаемся систематизировать все, что уже сделано и делается отечественными учеными для понимания российской экономической ментальности.

В изучении национальной ментальности можно выделить три этапа: дореволюционный; советский "доперестроечный"; "перестроечный" (советский и постсоветский) (см. рис. 2.3).

Два первых этапа – это, в сущности, предыстория, попытки изучения русского национального характера практически безотносительно к экономике в каких бы то ни было ее проявлениях.

Рис. 2.3. Идеино-теоретические истоки

изучения национальной ментальности в России

С самого начала этнопсихологическая проблематика была близка как российским ученым, так и русским писателям. В соответствии с этим в России сформировались и два подхода к изучению этнонациональной проблематики. Сторонники первого занимались конкретным анализом демографических, трудовых, культурных и даже политических особенностей этноса (психологическая этнография). Второй же представлял собой нечто литературно-poleмичное, с вольными допущениями и смелыми гиперболами, концентрировавшееся на "загадках русской души" и "особом пути" российского государства (этнопсихологические исследования философов "серебряного века").

В рамках первого, собственно научного подхода в России задолго до разработки зарубежными этнопсихологами концепции психологии народа (Г. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт, А. Фульье¹³⁵) были сформулированы теоретические этнопсихологические концепции и впервые в мире проведены прикладные исследования национально-психологических особенностей ряда народов. Эта новаторская деятельность связана с Русским географическим обществом, члены которого (Н. Д. Надеждин, К. Д. Кавелин и В. К. Бэр¹³⁶) уже в 40-50-х годах XIX века предприняли попытки создать концептуальную модель российской этнопсихологической науки. К сожалению, в научных дебатах¹³⁷ это направление потерпело поражение. Таким образом, первая попытка создать в России научную этнопсихологию завершилась неудачей.

Собственно научное направление российских этноисследований на долгие годы заглохло, зато в трудах русских философов конца XIX – начала XX веков широкое развитие получило литературно-poleмичное направление. Именно они первыми в истории отечественной мысли дали целостное философско-социологическое, культурно-историческое и национально-психологическое осмысление феномена российской межэтнической общности. В целом работа, проделанная ими (Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским, С. Н. Булгаковым, Б. П. Вышеславцевым, И. А. Ильиным, Г. Г. Шпетом)¹³⁸, больше

¹³⁵ У истоков официальной этнопсихологии стояли немецкие лингвисты М. Лацарус и Г. Штейнталь, провозгласившие рождение науки о "народном духе" началом издания в 1859 году журнала "Психология народов и языкознание". В своей программной статье "Вводные рассуждения о психологии народов" они сформулировали мысль о том, что главная сила истории – народ, или "дух целого", который выражает себя в искусстве, религии, языке, мифах, обычаях и т.д. Индивидуальное же сознание есть лишь его продукт, звено некоторой психической связи. Отсюда задача социальной психологии – познать психологически сущность духа народа, открыть законы, по которым протекает духовная деятельность народа. См.: Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912; Фульье А. Психология французского народа. СПб.: Ф. Павленков, 1899; Фульье А. Психология русского народа // Вестник воспитания. 1905. № 4. Разд. 1. С. 85 – 99.

¹³⁶ Надеждин Н.Н. Об этнографическом изучении русского народа // Записки Русского Географического Общества. Кн. 2. СПб., 1847; Стефаненко Т. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, "Академический проект", 1999. С. 50 – 52.

¹³⁷ См., например: Сеченов И. М. Замечания на книгу г. Кавелина "Задачи психологии" // Избранные философские и психологические произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1947.

¹³⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Бердяев Н.А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992; Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999; Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1957; Булгаков С. Н. Нация и человечество // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2; Булгаков С. Н. Расизм и христианство // С.Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 2. Статьи и работы разных лет. 1902-1942. М.: Наука, 1997; Булгаков С.Н.

напоминает скрупулезное (с присущим русским людям самокопанием и самобичеванием) изучение, скорее, самих себя как типичных представителей русской интеллигенции "серебряного века", чем окружающей их социальной действительности. Тем не менее именно этими мыслителями впервые высказывается мысль о том, что для хозяйственного сближения различных стран необходимо знание национальных особенностей каждой из сторон. Кроме того, именно от русских философов пошла "вечная тема русских размышлений" - полемика о философско-историческом осмыслении национальной истории Востока и Запада, России и Европы, места и роли России во всемирно-историческом развитии.

Отметим, что в отличие от зарубежных стран, в которых теоретические разработки инициировали рождение прикладной этнопсихологии, в России явно лидировала практика (в случае с философами – псевдо-практика). Несмотря на большую перспективность этого направления, история - в лице официальной советской идеологии – решила все иначе... Те, кто начинал этнопсихологические исследования, либо эмигрировали за рубеж (Бердяев, Лосский), либо были "растерты в лагерную пыль" (Шпет). С 1930-х гг. любое исследование этнокультурных различий стало восприниматься в СССР как потенциально опасное вне зависимости от его целей и выводов.

Таким образом, с 1930-х по 1980-е гг. "связь времен" распалась: идеи русских философов "серебряного века" подверглись политическому ostracismu, сами этноисследования оказались почти запрещенными. Они не исчезли полностью, но могли развиваться только "попутно", на "обочине" каких-то других наук – истории (как у Б.Н. Поршнева и Л.Н. Гумилева¹³⁹), или психологии (как у К. Касьяновой и И. С. Кона¹⁴⁰), но никак не в рамках экономики или социологии. Характерно, что если "диссидентские" концепции Л.Н. Гумилева и К. Касьяновой являются вполне оригинальными, в чем-то даже близкими по духу и самобытности к работам русских философов начала века, то у более "официальных" Б.Н. Поршнева и И.С. Кона мы не найдем почти ничего принципиально нового, что бы еще не обсуждалось ранее на Западе (их работы представляют собой, в сущности, систематизированное изложение точек зрения зарубежных исследователей).

Пока в советских этноисследованиях царил застой, за рубежом "утекло много воды". В 1950-е гг. прошла первая волна теоретических дебатов, в ходе которых объектом исследований становился уже не сам факт существования национального характера, а детальный "портрет" ментальности (в том числе и экономической) различных наций. С 1960-х гг. начались массовые сравнительные исследования разных культур. Первыми на этом поприще стали Ф. Клякхон и Ф. Стродтбек¹⁴¹, Гарри Триандис¹⁴² и Гирт Хофстед¹⁴³.

Науки об этнических сообществах становятся точными науками, опирающимися не на субъективные "озарения" гениев, а на данные конкретных исследований¹⁴⁴. Именно теперь изучение экономической ментальности получает возможность стать научным в собственном смысле этого слова. С этого времени можно вести речь об **этнометрии** – направлении этносоциальных исследований, которое анализирует ментальные характеристики различных этнических групп с использованием формализованных (математических) методов.

До 1990-х гг. этнометрические "веяния" обходили советскую Россию стороной. Лишь на третьем этапе начинается процесс сближения российской научной мысли с зарубежной. В этот период появляются публикации о результатах первых, еще очень робких и "сырых" попыток эмпирических исследований, затрагивающих этнопсихологическую проблематику. К их числу относятся книги "Русские (Этносоциологические очерки)" и "Советский простой человек"¹⁴⁵ - монографии в целом очень слабые, и с теоретической, и с методологической точек зрения. В них царил поверхностная констатация фактов (подтверждаемая, правда, в большинстве случаев цифрами) без их концептуального осмысления. К тому же обе монографии вышли в свет с таким большим временным разрывом между сбором данных и их публикацией, что, учитывая темпы изменений, нахлынувших на реформируемую Россию, они морально устарели еще до своего рождения.

И только с появлением работ В. С. Агеева¹⁴⁶, З. В. Сикевиц¹⁴⁷, П. Шихирева¹⁴⁸, М. В. Грачева¹⁴⁹, А. Наумова¹⁵⁰ и ряда других изучение российского национального характера вооружается западной методологией¹⁵¹, становясь все более научным и доказуемым.

Человечество против человекобожия // С.Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 2. Статьи и работы разных лет. 1902 – 1942. М.: Наука, 1997; *Булгаков С.Н.* Размышления о национальности // Сочинения. Т. 2; *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6; *Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1; *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т.1; *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996; и др.

¹³⁹ *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Поршнев Б.Ф.* Принципы социально-этнической психологии. М., 1964; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Гидрометеиздат, 1990; *Гумилев Л.Н.* Этносфера. История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993.

¹⁴⁰ *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994; *Кон И.С.* Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков) // *Кон И.С.* Социологическая психология. М. – Воронеж, 1999; *Кон И.С.* К проблеме национального характера // *Кон И.С.* Социологическая психология. М. – Воронеж, 1999; *Кон И.* Эпоху не выбирают // Социологический журнал. 1994. № 2.

¹⁴¹ *Kluckhohn F., Strodtbeck F.* Variations in value orientations. Evanston, IL: Row, Peterson, 1961.

¹⁴² *Triandis H.C.* Psychology and culture // *Annual Review of Psychology*. 1973. V. 24; *Triandis H.C.* Culture and social behaviour. N. Y., 1994; *Triandis H.C.* Individualism and collectivism. Boulder, CO: Westview. 1995; *Triandis H.C., Chen X.P., Chan D.K.-S.* Scenarios for the measurement of collectivism and individualism // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29 (2).

¹⁴³ *Hofstede G.* Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, L., 1980; *Hofstede G.* Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.

¹⁴⁴ Разницу между учеными прошлого и нынешнего веков можно проиллюстрировать таким примером. О том, что американцы – это нация индивидуалистическая, а японцы – нация коллективистов, знали еще в XIX в. Однако тогда это знание основывалось на качественных оценках субъективного и приблизительного характера (оценка "на глазок"). В XX в. на основе обработки данных массовых социологических исследований уже рассчитывают "индексы индивидуализма" (см., например, работы Г. Хофстеда), при помощи которых можно количественно определить, насколько велик разрыв по данному признаку между американцами и японцами. См.: Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М.: "Имидж – Контакт", 1997.

¹⁴⁵ Русские (этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992; Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: "Наука", 1993.

¹⁴⁶ *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Издательство Московского университета, 1990.

¹⁴⁷ *Сикевиц З.В.* Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996; *Сикевиц З.В.* Русские: "образ" народа (социологический очерк). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996; *Сикевиц З. В.* Социология и психология

В середине 1990-х гг. происходит, наконец, изменение статуса России: постепенно из пассивного объекта исследования она превращается в полноправного участника международных исследовательских проектов. Западные исследователи, организаторы крупномасштабных кросс-культурных проектов стали активно привлекать ученых из всех бывших социалистических стран и в первую очередь из России. Российские ученые принимают участие в проектах Роберта Хоуза¹⁵² (исследовательская программа по глобальному анализу лидерства и поведения в организациях, GLOBE – Global leadership and organizational behavior effectiveness), Рональда Ингелхарта¹⁵³ (проект "Исследование мировых ценностей", WVS – World Values Survey), Шаломы Шварца¹⁵⁴, Фонса Тромпенаарса¹⁵⁵, Ричарда Льюиса¹⁵⁶ и некоторых других. Вместе с подобными кросс-культурными проектами появляется и возможность непредвзятого подхода к изучению российской экономической ментальности, а также ее вписанности в окружающий мир.

Оживление, которое наблюдается за последние годы в кросс-культурных этнопсихологических исследованиях, возродило интерес к проблеме, уходящей своими корнями в полемику между славянофилами и западниками. Сейчас уже, пожалуй, мало кто из ученых будет отстаивать мнение о "мессианской" роли России, но дебаты об "особом пути" России не только не затухают, но, наоборот, постоянно вовлекают все новых участников. Среди отечественных ученых есть такие, кто считает, что Россия непременно должна ориентироваться на западный опыт (например, Е.Г. Ясин¹⁵⁷), так и те, кто отстаивает точку зрения о восточном характере всего исторического развития России (С.Г. Кирдина¹⁵⁸). Большинство же участников дискуссии отстраняются от крайностей и подчеркивают "промежуточный" характер российской ментальности либо вообще избегают делать четкие выводы¹⁵⁹.

Несмотря на тот сдвиг, который наблюдается с начала 1990-х гг., исследования отечественных исследователей по российской экономической ментальности обречены еще немалое время нести налет ученичества у более "продвинутых" зарубежных авторов: мы все еще продолжаем идти протоптанными тропами, опираясь на популярные за рубежом модели, не предлагая пока ничего принципиально нового. Качественного прорыва можно, видимо, ждать только после притока в ряды социологов нового поколения исследователей – с незашоренным мышлением и с широкими междисциплинарными интересами¹⁶⁰.

национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999.

¹⁴⁸ *Андерсон Р., Шихирев П.* "Акулы" и "дельфины" (психология и этика российско-американского делового партнерства). М.: "Дело ЛТД", 1994; *Шихирев П.Н.* Введение в российскую деловую культуру. М., 2000.

¹⁴⁹ *Грачев М.* Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2; *Грачев М., Филонович С.* Пятипроцентный элемент // Эксперт. 2000. № 25, С. 24 – 26.

¹⁵⁰ *Наумов А.* Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3. С. 70 – 103.

¹⁵¹ Следует подчеркнуть, что отечественная этносоциология сейчас ориентируется именно на Запад (США, Западную Европу), а не на Восток. Если для восточной традиции (например, японской этнологии) характерен примат теории над практикой, то западная традиция имеет ярко выраженный прикладной, инструментальный характер – она занята не столько выяснением причин и глубинной сущности изучаемого явления, сколько поиском способов его практического использования в деловой практике.

¹⁵² *House R., Hanges P.* Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE // *Advances in Global Leadership*. 1999. Vol. 1; *House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P.* Understanding cultures and implicit on leadership theories across the globe: an introduction to project GLOBE // *Journal of World Business*. 2002. Vol. 37; *Javidan M., House R.* Cultural Acumen for the Global Manager: Lessons from Project GLOBE // *Organizational Dynamics*. 2001. Vol. 29. № 4.

¹⁵³ *Inglehart R., Baker W.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. February 2000. Vol. 65; *Ингелхарт Р.* Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002.

¹⁵⁴ *Schwartz S. H.* A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work // *Applied Psychology: an International Review*, 1999, Vol.48 (1); *Schwartz S.H., Ros M.* Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the Individualism–Collectivism cultural dimension // *World Psychology*. 1995. Vol. 1; *Schwartz S.H., Bardi A.* Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. Vol. 18; *Schwartz S.H.* Beyond Individualism–Collectivism: New cultural dimensions of values. // *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. L.: Sage, 1994; *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 1992. Vol. 25.

¹⁵⁵ *Trompenaars F., Woolliams P.* When Two Worlds Collide // *Trompenaars and Hampden-Turner Intercultural Management Consulting*. 2000; *Hampden-Turner C., Trompenaars F.* Seven Cultures of Capitalism. L.: Piatkus, 1994.

¹⁵⁶ *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999; *Lewis R. D.* The Cultural Imperative. 21 Century Trends. 2002; *Косов А.* Знакомьтесь, Ричард Льюис! Искусство делового общения как залог успеха в бизнесе // Валютный спекулянт/ 2003/ №1 (39)/ С. 86 – 89.

¹⁵⁷ *Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.

¹⁵⁸ *Кирдина С.Г.* Спор ученого с поэтом, или социологическая теория институциональных матриц против утверждения о том, что "умом Россию не понять" // MOST (Журнал деловых людей МОСТ). 2001. № 46. С. 22-26; *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

¹⁵⁹ См., например: Запад и западные ценности в российском общественном сознании (сб. ст.). М.: ИМЭМО, 2002; *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.* Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. № 1. С. 3-56.

¹⁶⁰ Наиболее свежим и многообещающим примером новых научных подходов, сочетающих сбор эмпирических данных с их теоретическим обобщением, является исследование ученых Российского независимого института социальных и национальных проблем, проведенное в 1995 – 2000 гг. См.: Россия на рубеже веков. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), 2000.

Попробуем теперь осуществить первичное обобщение наиболее важных результатов исследований экономической ментальности "этих загадочных русских" и рассмотрим подробнее, какие именно факторы сформировали современную российскую хозяйственную культуру и каковы же ее основные характеристики.

2.2 Факторы, сформировавшие российскую экономическую ментальность

Экономическая ментальность россиян 1990-х гг. отражает длительную и трагическую историю нашей страны с XIV – XV вв. (именно это время принято считать началом этногенеза русских – этнического ядра современных россиян) до наших дней. Можно выделить, по крайней мере, четыре группы факторов, которые, накладываясь друг на друга, обуславливают заведомую невозможность развития в России классического, "европейского" капитализма:

- 1) мобилизационно-коммунальная производственная среда – фактор, который действует с самых начальных моментов развития российской цивилизации;
- 2) православная этика – фактор, оказывающий сильное влияние на развитие национальной культуры уже тысячу лет;
- 3) догоняющая модернизация, которая на протяжении последних трех столетий заставляет российское общество находиться в состоянии постоянной мобилизации;
- 4) советский "эксперимент", под воздействием которого в минувшем веке в течение более 70 лет осуществлялось целенаправленное идеологическое воспитание россиян.

Рассмотрим подробнее, какие именно ценности культивировались, а какие, наоборот, выпалывались под воздействием этих факторов.

2.2.1 Мобилизационно-коммунальная производственная среда, "где каплей льешься с массами"

Наиболее стабильным фактором хозяйственной жизнедеятельности любого народа является, конечно, природно-географическая среда (объективные естественные производительные силы). Материально-технологическая среда жизнедеятельности россиян, которые вплоть до середины XX в. оставались в основном крестьянским сообществом, связана прежде всего с особенностями земледельческого производства. Ее следует охарактеризовать как *мобилизационно-коммунальную*, то есть такую, которая создает аритмию производства и требует коллективных усилий под единым руководством.

Естественно-географическим условием развития русского этноса является *короткий производственный цикл*. Северный континентальный климат, короткое и холодное лето заставляют осуществлять базовую, сельскохозяйственную деятельность в режиме не равномерного расходования сил, а импульсной мобилизации. Это значит, что в течение примерно 100 летних дней русский крестьянин трудился на пределе сил, а остальное время года вынужденно оставался свободным. Для сравнения можно отметить, что в Западной Европе срок сельскохозяйственных работ был вдвое длиннее, воспитывая у земледельцев привычку к постоянному размеренному труду¹⁶¹. Влияние подобной хозяйственной аритмии на экономическую ментальность россиян с замечательной лаконичностью отметил еще В.О. Ключевский: "Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии"¹⁶².

Следующей природно-географической особенностью, обусловившей специфику российской экономической культуры, является *существование в режиме выживания*: зона неустойчивого земледелия¹⁶³ оставляла мало возможностей для накопления излишков, а следовательно, для значительного социального расслоения. Кроме того, урожаи были не только низкими, но и в высшей степени нестабильными, зависящими не столько от количества и качества труда, сколько от капризов погоды¹⁶⁴. Выживание в условиях высоких жизненных рисков требовало создания сильных перераспределительных механизмов внутри крестьянского социума, которые могли базироваться только на уравнилельных ценностях. Поэтому объективные условия хозяйственной деятельности российских крестьян обусловили длительное сохранение и даже периодическую регенерацию общинных форм организации социально-экономической жизни. Важнейшими характеристиками общинных форм поведения являлась *реципрокация* при помощи многочисленных обычаев уравнилельного перераспределения, таких как потлач (дарения излишков), помочи (совместная трудовая деятельность), "наряды миром", толоки, складчина. Реципрокный характер такого обмена означал, что обмен осуществлялся между равными, а получение помощи накладывало на получателя обязательство немедленно отозваться на призыв оказавшего ему помощь, когда последний будет в ней нуждаться. В основе нормативной базы "моральной экономики" сельской общины¹⁶⁵ в России, как и везде, лежали представления о *человеке как принадлежности целого*, коллектива, и о *традиции как высшей ценности* в сравнении с новациями.

Слабая взаимосвязь между личным трудом и уровнем жизни сформировала *фаталистические черты* национального характера ("От сумы да от тюрьмы не зарекайся"), экстернализацию контроля над событиями жизни индивида. Фатализм – это оборотная сторона традиционализма, нежелания менять что-либо собственными усилиями. Фаталистические черты русской культуры прослеживаются даже в языке, в котором четко видны характеристики неагентивности – ощущения того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена. В русском языке люди выступают скорее не как "деятели", а как "претерпеватели"¹⁶⁶. Фатализм национального характера

¹⁶¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 209, 213.

¹⁶² Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. Т. I. М., 1956. С. 314.

¹⁶³ Даже к началу XIX в. средние урожаи зерновых составляли всего порядка сам–3 (Милов Л.В. Указ. соч. С. 189).

¹⁶⁴ Милов Л.В. Указ. соч. С. 411.

¹⁶⁵ О принципах "моральной экономики", открытых впервые американским ученым Дж. Скоттом в странах Азии, см., например, брошюры А.И. Фурсова: Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. М.: ИНИОН, 1986. С. 41 – 185; Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 2. "Моральный крестьянин" или "рациональный крестьянин"? М.: ИНИОН, 1988.

¹⁶⁶ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 100.

обуславливает низкие ранги активно-достижительских ценностей даже в современной России, в то время как, по результатам исследований, ранги ценностей, связанных с возможностью не работать, в России значительно выше, чем в западных странах¹⁶⁷.

Низкопродуктивное земледелие доиндустриальной России обусловило также слабое развитие городов, которое в доиндустриальных обществах определяется масштабами аграрного прибавочного продукта. В свою очередь, слабое развитие городов, а следовательно, слабое развитие ремесленно-промышленной деятельности не дали развиваться в том виде, как это происходило в Западной Европе, "третьему сословию" - социальной базе гражданского общества и ценностей индивидуализма.

2.2.2 Православная хозяйственная этика... которой все еще нет

На развитие русской цивилизации неизгладимый отпечаток наложило принятие христианства в его православной разновидности (см. рис. 2.4) с характерными для него низкими оценками мирского труда, обрядоверием и цезаризмом.

Хотя христианская доктрина признает в принципе ценность преобразовательного труда (и тем отличается, например, от буддизма, который видит в земной жизни одно лишь страдание), но сам этот труд рассматривается различными христианскими конфессиями существенно по-разному. В отличие не только от появившихся позднее протестантских вероисповеданий, но и от современного ей католицизма, восточно-христианская религиозная традиция рассматривала *труд как неприятную необходимость*, наказание человечеству за первородный грех. Русское православие не давало высших духовных санкций для активной работы в миру. Физический труд, производство потребительских благ, занял в православной культуре подчиненное место по сравнению с трудом духовным, молитвой¹⁶⁸. Сфера земного, материального благополучия котирировалась не высоко, материальный труд нигде не ставился в один ряд со спасением и терпением. Самоутверждение было направлено внутрь себя, на "устроение" собственной личности¹⁶⁹. Подобные факторы обусловили "нерыночность" русского национального характера, преобладание этики выживания, отношение к накопительству и собственности как к отрицательным ценностям¹⁷⁰. Русский праведник стесняется требовать адекватную плату за свой труд, опасаясь проявить жадность, погоню за мелкой и презренной выгодой. Подобный "сверхэкономизм" создает мощные преграды для развития рыночного хозяйства: человек, желающий жить "по совести", предпочитает полунищенский труд "грязному" бизнесу, а предприниматель обречен жить в атмосфере морального вакуума, чувствовать себя иностранцем в собственной стране.

"Антиэкономизм" православия обусловил существование *бедности как типа культуры*. Русской культуре свойственно более терпимое и гуманное, чем на Западе, сочувственное отношение к неудачникам хозяйственной деятельности, а сама по себе бедность не воспринималась как признак отверженности. Помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность христианина. Нищенство долго не воспринималось как экономическое бремя или девиация, а материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Таким образом, православное христианство при помощи этических норм закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины.

Другая отличительная особенность русского православия – его сосредоточенность не столько на содержании моральных заповедей, сколько на форме религиозных обрядов. Характерно, что если католические мыслители западноевропейского средневековья упорно занимались систематизацией теологии, сделав ее своего рода "религиозной наукой", то русское православие ничем в этом смысле себя не прославило. Более того, незнание "мудрствований" языческих философов служило объектом своеобразной гордости, проявлением "чистоты" веры. Еще более резок контраст в эпоху нового времени. В то время как западноевропейская Реформация XVI – XVII вв. проходила в яростных дискуссиях о свободе воли, о границах прерогатив духовной и светской власти, в Московии религиозный раскол XVII в. произошел по смехотворному (конечно, с точки зрения европейца) разногласию о том, сколькими пальцами надо креститься и как надлежит произносить имя бога. Подобное *обрядоверие* подавляло в человеке индивидуальное начало и склонность к новаторскому поиску, развивало вместо личного самоконтроля склонность бездумно следовать за массой, "быть как все".

Таким образом, русское православие культивировало *традиционализм* российской экономической культуры. "Традиционалистский" строй мышления выражается, в частности, в том, что человек не склонен заработать больше, он просто хочет жить так, как привык. Как отмечал еще М. Вебер, при затруднениях традиционалисты не меняют строй жизни, а сокращают потребности¹⁷¹. Это высказывание М. Вебера подтверждается и результатами современных исследований. Так, в провинциальных городах России падение денежных доходов населения в 1990-е гг. не сопровождалось активизацией экономического поведения. Основной реакцией на материальные трудности было и во многом остается не приспособление к рыночной экономике, а бегство от нее¹⁷². В отличие от старообрядцев XVII – XVIII вв., убогавших от "никонианских новшеств" на Север и в Сибирь, нынешние россияне "убегают" на огороды, в семейную реципрокность, отказываясь принимать новые условия хозяйственной жизни.

Помимо склонности ценить религиозный обряд выше религиозной мысли Россия унаследовала от Византии и такую малопривлекательную черту, как *цезаризм* – преклонение духовной власти перед светской.

Если в Западной Европе римские папы на протяжении всей средневековой эпохи рассматривали свою власть как во многом конкурентную по отношению к власти королей и императоров, то в Византии базилевсы с оппозицией патриархов

¹⁶⁷ Магун В. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997. С. 150.

¹⁶⁸ "В целом можно сказать, что православие призывает «молиться и трудиться», в то время как формула католицизма – «трудиться и молиться», а протестантизм убежден в том, что труд и есть молитва" (Коваль Т. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 59). См. также: Тюгашев Е.А. Православное отношение к труду в зеркале нравственного богословия // Человек. Труд. Занятость. Вып. 2. Новосибирск, 1998. С. 40 – 50.

¹⁶⁹ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. С.118.

¹⁷⁰ Клопыжников А.М. Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе // Проблемы перехода России к рыночной экономике. Выпуск V. М.: МОНФ, 1996. С. 103-106.

¹⁷¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 81-88.

¹⁷² Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. Том VI. 1997. № 4. С. 61.

почти не сталкивались. В России начиная с эпохи Петра I цезаризм православия дошел до такой степени, какая была немислима даже в Византии: священники были обязаны доносить светским властям об исповедях своих прихожан; земли церкви были секуляризованы, а священнослужители превращены в государственных чиновников на жаловании, и это не вызвало среди них сколько-нибудь заметного протеста. В результате церковь превратилась из института, конкурентного по отношению к государству, в институт, целиком и полностью ему подчиненный. Естественно, что русский вариант православия неразрывно связан с *идеологией государственного патернализма*, когда авторитет церкви ставится на службу интересам государства.

Характерно, что выработкой собственной социальной концепции (призванной помимо прочего выражать отношение православия к собственности, хозяйственной деятельности, богатству и т.д.) Русская Православная Церковь озаботилась буквально в последние месяцы XX века – до этого она более тысячи лет не чувствовала необходимости выражать свою особую позицию, довольствуясь одобрением существующей на данный момент государственной идеологии¹⁷³. В сущности, православная хозяйственная этика еще только формируется¹⁷⁴.

2.2.3 Сильное государство и "догоняющая модернизация"

Институциональные рамки хозяйственной деятельности в России в значительной степени задаются государством. Россия традиционно принадлежит к тем странам, которые больше ориентированы на государство, чем на гражданское общество. Идея сильной (вплоть до диктаторской) государственной власти в России имеет очень глубокие корни, связанные с российскими особенностями процессов политогенеза и модернизации.

С IX в., с самого начала формирования государственности, в России складывается и затем постоянно воспроизводится хозяйственная система, которую О.Э. Бессонова называет *"раздаточной экономикой"*¹⁷⁵. Условиями ее существования являются унитарно-централизованная политическая система и приоритет коллективистских ценностей на уровне идеологии. Особая роль государства проистекала из существовавшей ранее необходимости коллективной защиты от внешних нападений, большими расстояниями и локальной разобщенностью русских земель, многовековым процессом их собирания. Это обусловило необходимость сильного (жесткого) государства, сильной армии, вмешательства государства во все сферы жизни общества. Оправданием такой экспансии являлось и ощущение геополитической ответственности России, ее расположение на пересечении "полей напряженности", а также тот факт, что долгое время Россия являлась "буфером" между относительно стабильной Западной Европой и завоевателями с Востока.

Другим важнейшим фактором, обусловившим примат роли государства в экономической жизни, были особенности процессов модернизации России. Российский вариант *"догоняющего развития"* был связан с *"революциями сверху"*, истоками которых была вынужденная необходимость (экономическая отсталость, военные поражения от западных стран). К наиболее острым проблемам модернизации страны, которая не производит собственных культурных образцов, а заимствует их у Запада, относятся "искусственный" характер самих модернизаций, несоответствие структурно-технологических инноваций существующим социально-экономическим институтам. Это объясняется проблемой конгруэнтности институтов стран – экспортеров и импортеров экономических, технологических и социальных инноваций. Изменение российских экономических, политических и социальных институтов носило дискретный характер, в значительной степени определялось прямым заимствованием норм, регулирующих взаимодействие экономических агентов, из социально-экономических систем, в которых индивиды обладают другим менталитетом, поведенческими установками. Подобные структурные несоответствия сильно искажают первоначальный замысел реформ, а культурные образцы всегда на шаг отстают от изменений в технологиях. Мобилизационное развитие, как назвал А.Г. Фомотов такой тип социально-экономической эволюции¹⁷⁶, может путем огромных затрат ресурсов судорожными рывками временно сокращать разрыв между Россией и Западом, но затем он вновь и вновь восстанавливается и даже растет.

Вестернизация России, начиная с Петра I, проводилась по инициативе верхов, поэтому обычно она оказывалась делом активного меньшинства (элиты), масса же народа чаще всего служила, по выражению А.И. Герцена, "мясом освобождения". Все модернизации инициировались его главным агентом – государством, проводились в форсированно-мобилизационном темпе, за счет и на основе архаических структур¹⁷⁷. Так, к началу XX века в России утверждается "небоскрежный" капитализм¹⁷⁸, развитие которого в основном шло "сверху", путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала, и который поэтому лишь в малой степени выступал в своей классической форме – в форме отношений свободной конкуренции.

Следствием запаздывающих модернизаций являются радикальные общественные изменения, социальная цена которых достаточно высока. Поскольку реформы не вызревали в результате естественного развития социально-

¹⁷³ С "Основами социальной концепции русской православной церкви", принятыми Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви 13-16 августа 2000 г., можно ознакомиться в Интернете на сервере "ГРАД БОЖИЙ: Социальное учение православной Церкви" по адресу: <http://civitasdei.boom.ru/doctrin0.htm>.

¹⁷⁴ Знакомство даже с русскоязычной литературой демонстрирует вопиющее противоречие между довольно большим массивом изданий, освещающих хозяйственную этику с позиций протестантизма и католицизма, и полным отсутствием трудов по хозяйственной этике православных мыслителей. См.: *Нейхауз Р.Д.* Бизнес и Евангелие. Вызов христианину-капиталисту. М.: ВЕРА И МЫСЛЬ, 1994; *Рих А.* Хозяйственная этика. М.: Посев, 1996; *Новак М.* Дух демократического капитализма. Минск, 1997. Единственное монографическое исследование, посвященное православной хозяйственной этике (*Жижко Е.В.* Россия и рынок: православная этика и дух капитализма. Красноярск, 1995), принадлежит светскому социологу. См. также: *Христианские начала экономической этики*. М., 2001.

¹⁷⁵ *Бессонова О.Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России / Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 1999; *Она же.* Раздаточная институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, ИЭиОПП, 1999. С точки зрения теории экономических систем "раздаточная экономика" есть понятие, синонимичное знаменитому "азиатскому способу производства".

¹⁷⁶ *Фомотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному // <http://science.csa.ru/info/fonotov.htm>.

¹⁷⁷ *Никулин А.М.* Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998.

¹⁷⁸ *Государство* и частное предпринимательство в условиях "догоняющего развития" (Круглый стол) // *Общественные науки и современность*, 1999. № 1. С. 7.

экономических институтов, а насаждались сверху, они долго оставались "насилием над массами". К жизни в режиме мобилизации, связанной с сельскохозяйственными циклами, и этике выживания русского крестьянства запаздывающие модернизации добавили и высокую степень политической нестабильности. Тяжелые модернизации заложили в психологию народа страх перед реформами, отношение к ним как к стихийному бедствию, недоверие к власти. Пассивное сопротивление реформам сбавляет темпы и даже качественно трансформирует их. Тем самым в них закладываются механизмы отставания, необходимость новой, и опять запаздывающей, модернизации¹⁷⁹.

В условиях, когда завтрашний день непредсказуем и может нести как неожиданные взлеты, так и угрозы потерять все, "рациональной" формой поведения населения становится жизнь сегодняшним днем. Ограниченность возможности планирования своей жизни обуславливает примат краткосрочных целей в жизни, а будущее связано с мечтами о магическом скоробогащении, которые так явно прослеживаются в русских народных сказках и несбыточность которых лишает индивида стимулов к действию, поскольку "мечта о будущем" не есть "забота о будущем". В свое время А.И. Герцен писал: "Забота об будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество... на деле – боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой; наш чиновник ворует для того, чтобы покутить, купец мошенничает, чтоб сыну чин доставить, мужик работает, чтоб пьяну напиться. Даже материальной заботы об будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцем, он предмет насмешек и неприязни"¹⁸⁰. Мобилизационное сознание, выработанное в условиях экономической и политической нестабильности, ориентирует человека на потребление, а улучшение своей жизни он связывает с утопическим прыжком в лучшее будущее, радикальными общественными изменениями, везением, заботой государства. "Муравьиной хлопотливости" и многолетнему труду в этих мечтах нет места.

В подобных же (если еще не более сильных) условиях нестабильности существует и элита. Эгоизм, гедонистическая идеология, демонстративное потребление, высокая степень неравенства – неотъемлемые черты общества неорганичной модернизации. В модернизирующемся "вдогонку" обществе элита отличается "синдромом временщика", нерациональным, негибким поведением. Характерной чертой "зависимой модернизации" является анклавное развитие – существование точечных "островков благополучия" на фоне всеобщей бедности, которые мало влияют на окружение. Характерно, что при искусственных модернизациях обычно выигрывает меньшинство, а большинство проигрывает.

"Раздаточный" характер российской экономики, в котором главным субъектом было сильное централизованное государство, обусловил специфику экономических отношений в стране. Аккумулируя материальные блага, институты раздачи создавали материальные условия для жизнеобеспечения населения страны. Объектами раздачи выступали земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты, чины и должности. Службная организация труда являлась основой раздаточной экономики, то есть служебный труд был обязателен и обусловлен внешними по отношению к каждому субъекту условиями.

Таким образом, сильное государство, которое одновременно является субъектом насилия по отношению к индивиду, а с другой стороны, выступающее источником любого возможного блага, формировало тип личности, отчужденной от управления страной, но, с другой стороны, редко открыто противостоящей государственному насилию. Указанные особенности порождали особую этику неформальных отношений контроля и распределения ресурсов. Институты пожалований и жалоб обусловили приспособление к специфическим каналам получения материальных благ – не через независимость и свободную конкуренцию, а через лояльность к власти. Формировались персонифицированные "социально ориентированные" экономические стратегии, в отличие от "рыночноориентированных" на Западе. Отсюда – гипертрофия надежд "маленького человека" на верховную власть, оправдание ее вмешательства в жизнь общества, что нередко уравнивалось и с оправданием самоволия.

Российское общество и в наши дни по традиции остается неэмансипированным от власти. Монархическая традиция, наивная русская вера в "доброе царя", ожидание Вождя, Хозяина, Лидера во многом преобладают в сознании народных масс вплоть до начала XXI в. Точка опоры у россиян вынесена вовне, связана с верховной государственной властью. В России, в отличие от стран Запада, исторически сложился тип общественной системы, для которого характерны "перевернутые" отношения собственности и власти, в основе которого лежит эффективность власти, а не эффективность собственности¹⁸¹.

2.2.4 *Homo soveticus* и факторы его формирования

Социалистическая революция 1917 г. в России ознаменовала собой новый этап развития раздаточной экономики. Социалистический эксперимент оказался возможен (и жизнеспособен) в стране с давними традициями коммунальности, уравнительного распределения, доминирования политических задач над экономическими, внеэкономического принуждения со стороны государства, которому слаборазвитое гражданское общество делегирует бремя ответственности за себя. Парадокс заключался в том, что советская система не противоречила народному желанию быть зависимыми от доброго и справедливого Царя, Отца, Хозяина. Место благодетеля теперь заняло Заботливое Государство. Тот факт, что коммунистическая система утвердилась и просуществовала семь десятилетий, свидетельствует о приемлемости для значительного количества россиян условий, обеспечивающих значительные социально-экономические гарантии в обмен на индивидуальную свободу. Родившись из традиций государственного патернализма, коллективизма и традиционализма, советский вариант социалистической идеологии стал мощным фактором их укрепления.

Подобно тому, как столетиями ранее все слои населения законодательно прикреплялись к земле, отныне все трудоспособное население было прикреплено к государственным предприятиям и организациям, вне которых оно просто не могло иметь законных средств к существованию. Новым в экономических отношениях стал запрет частной собственности на средства производства, всеобщее обязательное участие в производственной и управленческой деятельности на объектах единой государственной собственности. Институт раздачи теперь полностью охватывал сферу непродовольственного потребления. В условиях командной экономики господствует редистрибутивный принцип распределения продукции:

¹⁷⁹ Наумова Н.Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. 1994. № 1.

¹⁸⁰ Цит. по: Ментальность россиян. С. 100.

¹⁸¹ Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 29.

причастность к власти означает и причастность к распределению. Главной формой социальной борьбы становится не борьба за собственность на факторы производства, а за доступ к ключевым рычагам распределения. Доход в таком обществе зависит, прежде всего, от статуса, чина и должности¹⁸². Подобный принцип распределения в сочетании с немонетарным характером советской экономики привел к тому, что социально-классовое неравенство советского общества носило не трудоактивный, а статусный характер. Дифференциация зарплат обуславливалась в основном народнохозяйственным значением отрасли или предприятия, в которых были заняты те или иные группы работников, их должностным или профессионально-квалификационным положением. Ценностная рациональность в советской экономике выражалась, в частности, в замене экономических стимулов политическими и моральными, основанными на патриотизме и социалистической сознательности трудящихся.

Парадигмой производственных отношений в СССР стал патернализм государства (предприятия) по отношению к своим гражданам (работникам), определяемый как система устойчивых самовоспроизводящихся отношений между работником и государством, когда в обмен на предписанную работнику трудовую активность ему предоставляется возможность удовлетворения лимитированных жизнеобеспечивающих потребностей¹⁸³. Патернализм предполагает "благодетельный деспотизм" - вмешательство государства в процесс принятия решений, касающихся самого человека, причем делается это без согласия опекаемого, с целью содействия его интересам или благосостоянию. За покровительствующей стороной признается право применять санкции или поощрения с целью регулирования поведения зависимой стороны в различных сферах жизнедеятельности. Материальными предпосылками патерналистского менталитета является отсутствие ситуации выбора, социальными – ограниченность потребностей граждан¹⁸⁴.

Агентами осуществления политики государственного патернализма выступали местные власти, предприятия, профсоюзы, на которые был возложен груз социальных обязательств. За счет общественных фондов потребления они обеспечивали удовлетворение социальных нужд работников: предоставляли работу, жилье, места в детских садах и яслях, обучение и повышение квалификации, помогали в приобретении дефицитных товаров, организовывали летний отдых работников и их детей, заботились об их здоровье. Взамен предприятия (и государство в их лице) получали социально-экономически зависимую, а значит, дешевую и лояльную рабочую силу. Такая "феодалная" организация производственных отношений позволяла сочетать низкую технико-экономическую эффективность советских предприятий с их с высокой социально-экономической живучестью¹⁸⁵. Патерналистско-патриархальные отношения между народом и государством отражались и в газетном языке начиная с 20-30-х гг.: "родное советское правительство", "отеческая забота партии", "всесоюзный староста", "наш вождь и учитель".

Помимо обретения трудящимися ощущения своей социальной защищенности (что, несомненно, является достижением социальной политики), происходило их *привыкание* к гарантированным материальным благам, застрахованности от крайней бедности независимо от экономической деятельности человека (количества и качества труда, квалификации, инициативности, предприимчивости), а на уровне массового сознания формировались и воспроизводились установки на социальное иждивенчество. Человек был редуцирован для обеспечения государственных нужд, но при этом власть рассматривалась им как инстанция заботы, хранитель и гарант социального порядка, источник любого возможного блага¹⁸⁶. Рабочая сила государственно-зависимого работника в СССР перестала являться его личной собственностью. Укрепляющаяся командно-административная система приобретала вид работодателя-благодетеля, с которым не просто непосильно, но и безнравственно говорить на языке взаимных обязательств. Отношения с государством выстраивались по оси "забота – благодарность".

Гипертрофированная роль государства в сознании людей вылилась в сохраняющееся до сих пор патерналистское восприятие государственной власти. В строго контролируемом распорядке жизни вырабатывался хорошо известный в психологии эффект "*диффузии ответственности*". Патернализм государства ослабляет необходимость в собственных усилиях для жизнеобеспечения, и люди отказываются принимать ответственные решения. С одной стороны, широкое распространение получает тенденция перекладывать ответственность, с другой – требовать от властей заботы, социальной защиты и других гарантий. Такой синдром обычно присущ детям, поэтому у взрослых его можно назвать "*продолженным инфантилизмом*".

Помимо того, что одним из последствий политики государственного патернализма стала экономическая неэффективность и иждивенческие установки работников, еще одной серьезной издержкой ее стало ограничение социальных прав и свободы граждан. Принципиальная черта работника времен административно-командной экономики - его несвобода, работа не на себя. Государство аккумулировало большую часть национального дохода, основные жизненные блага поступали в форме наделения, государственного благодеяния. Образно выражаясь, оно выступало в роли Великого Инквизитора, раздавая людям "хлебы, их же руками добытые", тем самым совершая в глазах большинства великое благодеяние. Ценность социальной защищенности, возведенная в абсолют, служила оправданием диктата государственной власти и тоталитарного контроля над личностью. Признание ценности государственного патернализма означало смирение людей с государственным насилием.

Отделенный от спроса и предложения псевдоэкономический институт перераспределительно-уравнилительного вознаграждения за труд в СССР, выражавшийся в политике ограничения доходов, существовании "потолка зарплаты", запрете на любые виды предпринимательской деятельности, запрещении частной собственности, ограничивал экономическую активность людей и превращался, по выражению П. Сорокина, в "раздачу премий посредственности"¹⁸⁷. Институциональная ловушка уравнилительного вознаграждения за труд состояла в явном противоречии ценностей всеобщего равенства и экономической эффективности. В любом уравнивании (возможностей, доходов, прав) неизменно всегда больше

¹⁸² Нуреев Р.М. Курс микроэкономики: Учебник для вузов. М., 2000. С. 63.

¹⁸³ Социология труда в новых условиях: Межвузовский сборник статей. Самара: СамГУ, 1992. С. 12-13.

¹⁸⁴ Латыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996. С. 92-93.

¹⁸⁵ Никулин А.М. Указ. соч.

¹⁸⁶ Советский простой человек. С. 62.

¹⁸⁷ Сорокин П. Проблема социального равенства / Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред. А.Ю. Согомонова. М.: ИПЛ, 1992. С. 252.

заинтересован слабый, неспособный успешно конкурировать с другими в борьбе за ограниченные ресурсы общества. Неквалифицированный работник заинтересован в том, чтобы средства существования доставались ему совершенно независимо от конечных результатов деятельности, в порядке благотворительного возмещения затраченных физических сил¹⁸⁸.

Ценностно-рациональный выбор в пользу "социальной справедливости" по определению ущемлял права сильного. В первое же десятилетие существования Советской власти были истреблены "чуждые элементы", "эксплуататорский класс", то есть самодельные, предпринимательские слои населения, собственники. Политика форсированного строительства социализма опиралась на типичного бедняка, на маргинализированную за годы I Мировой войны, революции и гражданской войны массу. Фактически за счет общественных фондов потребления поощрялся непроизводительный, низкоквалифицированный труд. Тяжесть труда (а не его общественная полезность) выступала как составляющая "эквивалентности" обмена.

В обществе, где "мерилом работы считают усталость", невозможно было обеспечить эффективное распределение ресурсов. "Проблема безбилетника" благополучно перекечевала из крестьянской общины в советскую распределительную экономику. В свое время Андре Жид писал, что стахановское движение было необходимо в стране, где люди не приучены к труду. В противном случае, предоставленные самим себе, из десяти работников восемь будут бездельничать¹⁸⁹.

Таким образом, система государственного патернализма и неэкономических методов стимулирования соответствовала, прежде всего, интересам маломобильного, конформного работника с заниженными потребностями, простого исполнителя трудовых функций. Ее можно отнести к разряду традиционалистских, поскольку это была стабильная самовоспроизводящаяся система, значительное место в которой занимало следование традициям и ценностно-рациональное действие. Как и все традиционалистские системы, она была достаточно ригидна для инноваций. Этими барьерами были как формальные правила, устанавливаемые государством, так и повседневные практики, являющиеся "ответами" на созданную систему. На поведенческом уровне приспособление к системе в сочетании с более давними традициями экономической культуры вылилось в массовые зависимые установки, минимизацию экономических усилий, ограничение потребностей до уровня "как у всех". Сформировался человек с крепостнической психологией, с установками не на саморазвитие, а на приспособление, ориентированный на государство при решении проблем жизнеобеспечения, отчужденный от самого себя и не верящий в свои способности и возможности к самостоятельной, независимой от государства деятельности, пассивный, не умеющий пользоваться собственными ресурсами¹⁹⁰.

2.2.5 "Прошлое толкует нас"

Итак, рассмотрение исторических аспектов формирования российской экономической ментальности позволяет увидеть комплекс факторов, которые действуют сонаправленно, закрепляя в качестве основополагающих такие ценности, как коллективизм, государственный патернализм и традиционализм (см. рис. 2.3 - 2.7).

Учет российской экономической ментальности как механизма зависимости от предшествующего развития заставляет по-новому взглянуть на регулярно повторяющиеся неудачи "вестернизации" России.

Действительно, с эпохи формирования российской цивилизации (т.е. с XIV – XV вв.) в нашей истории регулярно повторяются ситуации, когда передовые представители правящей элиты пробуют сделать россиян европейцами, но терпят провал. В лучшем (для реформатора) случае практические результаты его действий оказываются вовсе не теми, как ожидалось. Вспомним Петра I, Екатерину II, Александра I, В.И. Ленина, М.С. Горбачева – все они пытались поставить Россию наравне с Западом (и даже выше него), но их реформы парадоксальным образом приводили не к сглаживанию отличий России от Запада, а к их закреплению и даже усилению. В худшем случае прозападные реформаторы просто "ломали шею": Лжедмитрий I, "верховники" 1730 г., Сперанский, декабристы, Столыпин, "временные" в 1917 г., "правые" оппозиционеры 1920-х гг., советские диссиденты... Этот длинный мартиролог несбывшихся надежд стать "нормальными европейцами" порождает мистическое ощущение некоей заколдованности России.

Понимание специфики российской хозяйственной культуры позволяет если не "расколдовать" Россию, то, по крайней мере, узнать, какое же "заклятие" на нее наложено.

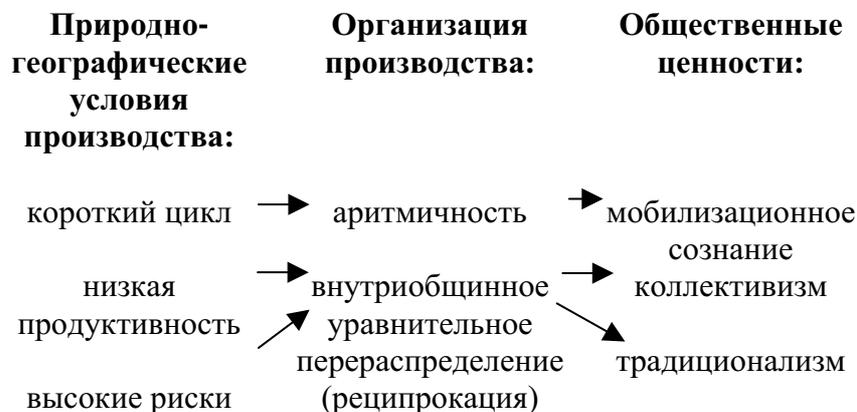

Рис. 2.3. Мобилизационно-коммунальная производственная среда как фактор формирования российской экономической ментальности

¹⁸⁸ Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права / Квинтэссенция : Философский альманах. М.: ИПЛ, 1990. С.183.

¹⁸⁹ Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа Японии и России // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 13.

¹⁹⁰ Тукумцев Б.Г. О новом типе работника, порожденном советской общественной системой / Социология труда в новых условиях: Межвузовский сборник статей. Самара: Самарский университет, 1993.С. 97.

**Конфессиональные особенности Общественные ценности:
православия:**

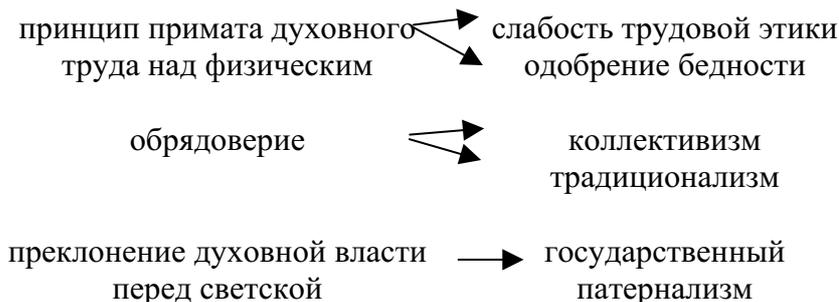

Рис. 2.4. Православная этика как фактор формирования российской экономической ментальности

Социальные условия производства: Социальные формы жизнедеятельности Общественные ценности:

Рис. 2.5. Догоняющая модернизация как фактор формирования российской экономической ментальности.

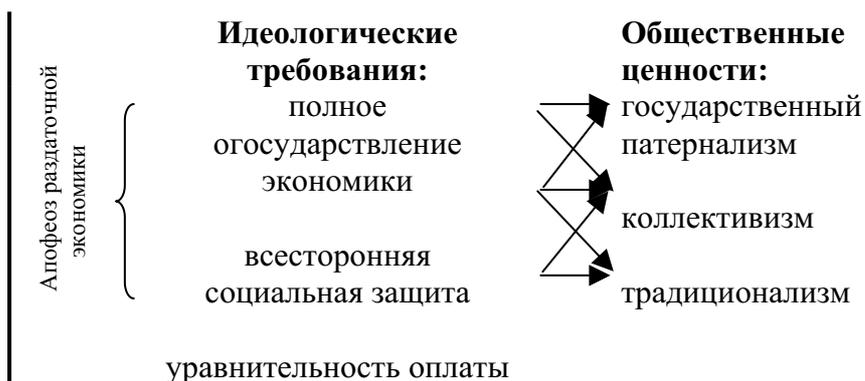

Рис. 2.6. Социалистическая идеология как фактор российской экономической ментальности

Рис. 2.7. Факторы и основные черты российской экономической ментальности

Хозяйственные ценности и нормы российской цивилизации создают принципиальные различия между российскими и западными социально-экономическими институтами. Если западные общества уже в доиндустриальную эпоху сформировались как система конкурирующих друг с другом относительно самостоятельных институтов, то в России все институты являются лишь частями единой нерасчленимой системой и не могут обособляться без угрозы кризиса российской цивилизации. Это приводит, в конечном счете, к объективному складыванию системы институтов, характерной для восточной институциональной матрицы¹⁹¹.

Поскольку в России точка опоры вынесена вовне, связана не с гражданским обществом, а с верховной государственной властью, то в ней, в отличие от стран Запада, исторически сложился тип общественной системы с "перевернутыми" отношениями собственности и власти, в основе которого лежит эффективность власти, а не эффективность собственности¹⁹². Важнейшей чертой российской экономической культуры была и все еще остается неприменимость западного принципа священности и неприкосновенности частной собственности.

Российской национальной традицией, переживавшей из дореволюционной России в советскую и далее – в квазирыночную, является слабая правовая защищенность субъектов экономической деятельности, составляющей частью которой является слабая защита прав собственности. Высокие издержки по спецификации и защите частных прав способствовали формированию и преобладанию в России институтов общественной, а не частной, собственности¹⁹³.

Сложность выбора пути реформирования российской экономики заключается в том, что, в то время как российская экономическая культура больше тяготеет к восточному типу, но более привлекательным и престижным для России традиционно остается Запад, и за основу реформирования в ходе российских модернизаций все время брались западные модели. То же самое происходит и сегодня.

Этот вывод, в свою очередь, позволяет утверждать, что в ближайшие годы российские экономические реформы неизбежно будут наталкиваться на "эффект постизма", "налог прошлого", "постсостояния"¹⁹⁴ в массовом сознании. Речь идет о резком противоборстве старого и нового, противоречии между радикальным отторжением старого ("дурное отрицание") и стремлением к максимальному его удержанию как чего-то стабильного, стойкой и привычной опоры. Это пример того, как "предыдущее тащит назад", когда прежние структуры и образы мышления стремятся обрести новую жизнь в новых структурах и новом мышлении.

Попытаемся теперь перейти от чисто качественных оценок специфики экономической ментальности россиян к оценкам количественным.

2.3 Социометрическая характеристика экономической ментальности россиян¹⁹⁵

2.3.1 Для чего надо измерять "душу России"?

Проблема "близости-отдаленности" российской культуры от западной напряженно обсуждается лучшими умами России со времен Чаадаева, но особенно она обострилась в последнее десятилетие.

Радикальные экономические реформы начинались под лозунгами ликвидации "железного занавеса" вокруг СССР и приобщения его к "общечеловеческим ценностям" (под которыми понимались, естественно, ценности западной цивилизации). С пылкостью неопитов "шокотерапевты" смело уверяли, что настала пора расстаться с мифом об особом пути России и радостно влиться в мировое сообщество. Когда в 1990-е гг. радикал-либералы в лице Е. Гайдара и его команды пришли к рулю власти, то они, естественно, попытались начать строительство в России смешанной экономики по американской модели - с низким уровнем социальной защиты, с высокой степенью свободы бизнеса.

Действительность оказалась весьма удручающей. Попытка копировать чужой опыт показала, что легко заимствуются худшие черты (социальная незащищенность большинства при привилегиях для немногих "новых русских"), от которых и сами американцы были бы рады избавиться. Лучшие же черты чужого опыта (свобода индивидуального саморазвития, гражданское самоуправление, правовое общество, эффективная конкуренция) российской почвой упорно отторгаются. Поэтому объективная характеристика степени предрасположенности России к тем или иным программам модернизации превращается из чисто научной проблемы в насущно необходимое теоретическое обоснование "реформы курса реформ".

В современной российской науке проблема "генетического кода" российской цивилизации наиболее четко сформулирована в концепции институциональных матриц С.Г. Кирдиной¹⁹⁶. В ее работах выделены две институциональные модели, в рамках которых может развиваться общество, – так называемые X-матрица и Y-матрица. X-матрица соответствует восточной модели исторического развития, характеризующейся редистрибутивной экономикой, унитарным политическим устройством и коммуитарной идеологией. Y-матрица – это западная модель, для которой типичны институты рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидиарной идеологии.

Любое динамично развивающееся общество всегда осуществляет спонтанное или целенаправленное копирование каких-либо зарубежных институтов. Весь вопрос в том, институты каких стран рассматриваются как желанный образец.

Россия, полагает С.Г. Кирдина, по своему социальному генотипу относится к странам с X-матрицей. На основе этой посылки реформы 1980-1990-х гг. интерпретируются ею так: сначала реформаторы попытались внедрить чуждые нашей

¹⁹¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000; Она же. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*, 1999. № 6.

¹⁹² Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // *Социологические исследования*. 1997. № 3. С. 29.

¹⁹³ Кирдина С.Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития.

¹⁹⁴ Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. L.: Chatto and Windus, 1990.

¹⁹⁵ Новая редакция данного раздела выполнена в рамках грантового проекта «Экономическая ментальность россиян» КТК 292-2-02. Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центром в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном разделе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

¹⁹⁶ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

матрице экономические, политические и идеологические институты из стран с Y-матрицей, а когда обозначилась неудача "вестернизации", то началось медленное выравнивание баланса. В результате уже во второй половине 1990-х гг. рыночные механизмы, федеративные принципы и личностные ценности стали занимать более подчиненное положение, чем ранее.

Однако у кирдинской концепции есть ахиллесова пята. Дело в том, что принадлежность России к странам с X-матрицей ею постулируется, а не доказывается. Между тем в литературе (например, у А. Янова)¹⁹⁷ можно найти и противоположную точку зрения: Россия якобы является по сути европейской страной, но со времен Ивана Грозного власть инициативно стремятся ее "ориентализовать".

Таким образом, для понимания предрасположенности нашей страны к западному или к восточному пути развития необходимо изучить характеристики национальной ментальности современной России и найти ее место в мировой системе характеристик национальных культур. Только так можно добиться научно обоснованного ответа на вопрос, какая же институциональная матрица более адекватна российской цивилизации.

Рассмотрим результаты проводившихся в России этнометрических исследований национальной экономической ментальности.

2.3.2 Рыночная предрасположенность российской культуры

Первая (и пока единственная) попытка непосредственно измерить тяготение России к традиционной или к рыночной хозяйственной ментальности (в рамках изучения точки зрения на "правильное", нормативное поведение) была предпринята в середине 1990-х гг. З.В. Сикевич в исследовании "Советский менталитет в русском сознании"¹⁹⁸. В качестве исходного материала ею использовались русские народные пословицы, сгруппированные попарно (так чтобы получалась номинальная шкала измерения признака) по нескольким ключевым направлениям: активность/пассивность, рачительность/надежда на удачу, "рыночное" поведение/традиционное поведение и некоторые другие.

Остановимся на тех антиномиях, которые описывают установки, принципиально значимые для развития рыночного хозяйства (см. табл. 2.1).

З.В. Сикевич приходит к выводу об отсутствии у русского респондента установок на рыночную экономическую ментальность, даже несмотря на ярко выраженную ориентацию на активность. На самом деле, как нетрудно самостоятельно убедиться по приведенным ею данным, ситуация обстоит не совсем так, как считает З. В. Сикевич. Преобладание активности и рачительности (и весьма существенное) явно говорит в пользу готовности россиян к вхождению в рынок. Что же касается мнимого преобладания традиционного поведения в противовес "рыночному", то следует обратить особое внимание на иллюстрирующие их пословицы.

По какой-то причине З. В. Сикевич соотнесла "рыночное" поведение с тем, что у россиян воспринимается как откровенная беспринципность, эгоизм и двурушничество (обратим внимание хотя бы на пословицу "не пойман – не вор"). Это отчасти соответствует стереотипу массового сознания, которому, однако, не должен следовать академический исследователь. Естественно, что когда социолог закладывает в исследовательскую программу тождественность рыночных ценностей и аморальности, то полученный результат искажает реальную картину.

Таблица 2.1

Ценности "русской души"
сквозь призму народного фольклора, по З.В. Сикевич

Ценности, способствующие развитию рыночного хозяйства		Ценности, препятствующие развитию рыночного хозяйства	
<i>Активность</i>	%	<i>Пассивность</i>	%
Богу молись, а своего ума держись.	83,5	Не нашим умом, а божьим судом.	16,2
До неба высоко, до царя далеко.	80,5	Бог милостив, государь жалостлив.	19,5
Удача кляча, садись и скачи.	61,9	Оттерпимся, до чего-нибудь дотерпимся.	38,1
На счастье надейся, а сам не плошай.	61,9	Что ни делается – все к лучшему.	38,1
Смирную собаку и кочет закроет.	60,4	Кто живет тихо – не увидит лиха.	39,6
В среднем	69,6	В среднем	30,3
<i>Рачительность</i>	%	<i>Надежда на удачу</i>	%
Пушинка к пушинке – выйдет перинка.	70,0	Хоть на час – да вскачь.	30,0
Терпение и труд – все перетрут.	79,8	Живи, ни о чем не тужи, проживешь – авось еще наживешь.	20,2
В среднем	74,9	В среднем	25,1
<i>"Рыночное" поведение</i>	%	<i>Традиционное поведение</i>	%
Дружба – дружбой, а денежки врозь.	37,5	С миру по нитке – голому рубаха.	62,5
Где не жить, только б сыту быть.	27,1	С родной земли – умри, не сходи.	72,9
Тот мудрен, у кого карман ядрен.	33,9	От трудов праведных не наживешь палат каменных.	66,1
Не пойман – не вор, а что взято, то и свято.	16,0	Заработанный ломоть лучше краденного каравая.	84,0
В среднем	28,6	В среднем	71,4
В среднем в итоге	55,7	В среднем в итоге	44,3

¹⁹⁷ См., например: Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

¹⁹⁸ Исследование проводилось в 1995 г. и представляло собой опрос жителей четырех регионов России и Украины (квотная выборка). Респонденту предлагалось из каждой пары пословиц отметить ту, которая больше соответствует его жизненной позиции.

На наш взгляд, на основе данных З.В. Сикевич, более корректным был бы вывод, что *современная российская экономическая ментальность все же имеет определенную "рыночную предрасположенность"*. Ядро этой ментальности – активность и рачительность – является достаточно благоприятной почвой для рыночной модернизации. В то же время данные по соотношению "рыночного" поведения с традиционным поведением говорят о ярко выраженной специфике русской экономической ментальности, даже если мы соглашаемся признать ее в целом рыночной.

Выводы о двойственности культурных установок россиян по отношению к рыночным ценностям делаются и другими учеными. Например, И.В. Грошев¹⁹⁹ указывает, что среди характерологических модусов русской ментальности есть как те, которые препятствуют рыночным преобразованиям (потребность в опоре на власть и руководство, уравнилельные и коллективистские установки, особая чувствительность к морали и идеологии и т.д.), так и черты, способствующие экономическим переменам (терпение и долготерпение, доверчивость и патриотизм и т.д.).

Проанализированные З.В. Сикевич ценности образуют, по нашему мнению, институциональное ядро, которое определяет, к какой социально-экономической системе (рыночной или нерыночной) предрасположено данное общество. Определив "рыночную предрасположенность" России, попробуем теперь выяснить, к какой именно модели рыночного хозяйства она тяготеет.

Рассмотрев факторы, сформировавшие российскую экономическую ментальность, мы сделали вывод, что ее основные черты – это коллективизм, государственный патернализм и традиционализм. Оценим теперь степень выраженности этих характеристик в сравнении с другими странами с рыночной системой хозяйства, используя данные Г. Хофстеда и его последователей.

В 1960-1970-х годах степень выраженности различных культурных характеристик была измерена этим голландским ученым в ставшем классическим исследовании, посвященном изучению различий национальных культур 40 стран современного мира²⁰⁰. Позже список исследуемых стран был им расширен до 70, включив и Россию²⁰¹. Видимо, для России будет наиболее органична модель рыночного хозяйства именно тех стран, чьи характеристики окажутся наиболее близкими к характеристикам российской ментальности.

Таблица 2.2

Ценностные показатели по различным странам мира, согласно Г. Хофстеду

Страны	Дистанция власти (PDI)	Избегание неопределенности (UAI)	Индивидуализм (IDV)
Австралия	36	51	90
Австрия	11	70	55
Арабские страны	80	68	38
Аргентина	49	86	46
Бельгия	65	94	75
Бразилия	69	76	38
Великобритания	35	35	89
Венесуэла	81	76	12
Восточная Африка	64	52	27
Гватемала	95	101	6
Германия (ФРГ)	35	65	67
Греция	60	112	35
Гонконг	68	29	25
Дания	18	23	74
Западная Африка	77	54	20
Израиль	13	81	54
Индия	77	40	48
Индонезия	78	48	14
Иран	58	59	41
Ирландия	28	35	70
Испания	57	86	51
Италия	50	75	76
Канада	39	48	80

¹⁹⁹ Грошев И. В. Экономические реформы России через призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 6. С. 25-46.

²⁰⁰ В качестве метода изучения Хофстедом применялся анкетный опрос работников компании IBM в различных странах. Исследование проходило несколькими волнами. Первые публикации результатов эмпирического исследования, которое проводилось в корпорации IBM, относятся к 1967-1969 гг. и 1971-1973 гг., охватив 116 тыс. человек. Методика, применяемая в этих исследованиях, в дальнейшем претерпела существенные изменения.

²⁰¹ Первоначально данные по России рассчитывались Г. Хофстедом по косвенным источникам типа данных национальной статистики, описания российских архетипов в литературе, результатов локальных исследований. В дальнейшем, после проведения эмпирических исследований в ряде постсоциалистических стран (в число которых вошла и Россия) на выборке из студентов, Г. Хофстед несколько скорректировал данные по российской экономической ментальности. См.: Hofstede G., Kolman L., Nicolescu O., Pajumaa I. Characteristics of the Ideal Job among Students in Eight Countries // Key Issues in Cross-Cultural Psychology. 1996, P. 199 – 216. Тем не менее надо учитывать, что студенты не могут быть абсолютно достоверным индикатором для всего населения в целом. В 2001 г. этот нидерландский ученый еще раз скорректировал данные по России: Hofstede G. Culture's consequences: Intern Differences in work-related values. California, 2001. P. 502.

Страны	Дистанция власти (PDI)	Избегание неопределен ности (UAI)	Индивидуализ м (IDV)
Китай	63	86	23
Колумбия	67	80	13
Коста-Рика	35	86	15
Малайзия	104	36	26
Мексика	81	82	30
Нидерланды	38	53	80
Новая Зеландия	22	49	79
Норвегия	31	50	69
Пакистан	55	70	14
Панама	95	86	11
Перу	64	87	16
Португалия	63	104	27
Сальвадор	66	94	19
Сингапур	74	8	20
США	40	46	91
Тайвань	58	69	17
Таиланд	64	64	20
Турция	66	85	37
Уругвай	61	100	36
Филиппины	94	44	32
Финляндия	33	59	63
Франция	68	86	71
Чили	63	86	23
Швеция	31	29	71
Швейцария	34	58	68
Эквадор	78	67	8
Югославия	76	88	27
Южная Африка	49	49	65
Южная Корея	60	85	18
Ямайка	45	13	39
Япония	54	92	46

Источник: Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.

Сравнение России с зарубежными странами облегчается тем, что экономические культуры, согласно Г. Хофстеду, сравниваются по трем очень удобным для нас параметрам (см. табл. 2.2):

- "индивидуализм", т.е. параметр, обратный коллективизму;
- "дистанция по отношению к власти", т.е. степень выраженности авторитаризма – явления, очень близкого к государственному патернализму;
- "избегание неопределенности", т.е. параметр, очень близкий к понятию "традиционализм".

Для этнометрического изучения России по хофстедовой методике можно использовать следующие данные:

- оценки самого Г. Хофстеда, приведенные в его работах 1990-2000-х гг.²⁰²;
- материалы Д. Боллингера, полученные еще в 1989 г., в СССР, в результате опроса по хофстедовой методологии слушателей Высшей Коммерческой Школы Управления в Москве²⁰³;
- материалы А.И. Наумова, полученные в ходе проведения опросов по авторской версии хофстедовой методологии в период с октября 1995 г. по июнь 1996 г.²⁰⁴;
- материалы международного исследования GLOBE (1995 – 2002 гг.), также основанного на методологии Г. Хофстеда, хотя и не в точности ее повторяющего²⁰⁵;

²⁰² Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994; Hofstede G., Kolman L., Nicolescu O., Pajumaa I. Characteristics of the Ideal Job among Students in Eight Countries // Key Issues in Cross-Cultural Psychology. 1996. P. 199 – 216; Hofstede G. Culture's consequences: Intern Differences in work-related values. California, 2001. P. 502. Интересно, что после проведения эмпирического исследования российской ментальности данные, полученные Г. Хофстедом, по всем показателям стали еще более удаленными от западных норм. В дальнейшем мы будем работать именно с этими данными, так как они являются наиболее эмпирически обоснованными.

²⁰³ Bollinger D. The Four Cornerstones and Three Pillars in the "House of Russia" Management System // Journal of Management Development. 1994. Vol. 13. № 2. P. 49 – 54. Дэниел Боллингер опросил 55 представителей советского директорского корпуса. Данные Д. Боллингера на уровне тенденций похожи на показатели, представленные Г. Хофстедом в 2001 г. В статье Д. Боллингера приведены следующие цифры: PDI – 76, IDV – 26, UAI – 92. Поскольку у Боллингера очень небольшой объем выборки и весьма специфична группы респондентов, то его данные кажутся сомнительными и далее в нашем исследовании не используются.

²⁰⁴ А. Наумовым были опрошены граждане России с незаконченным и законченным высшим образованием из числа студентов и слушателей Школ бизнеса, преподавателей и специалистов, администраторов и бизнесменов. В своей работе А. Наумов воспользовался собственной модификацией опросника Г. Хофстеда, взяв качественное описание каждого из показателей и выстроив на его основе свою шкалу. В целях проведения сравнительного анализа А. Наумов приводил показатели к стобалльной шкале (0 баллов – отсутствие признака, 100 баллов – максимальное проявление признака), аналогичной той, что использовалась у Г. Хофстеда (Наумов А. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3).

²⁰⁵ В ходе этого обследования были получены результаты и по России (опросу подверглось 450 менеджеров), сравнимые с данными по другим 52 странам (Грачев М. Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2). В целом

5) данные, полученные в ходе исследования, проведенного в Нижегородской и Ярославской областях осенью 2002 г. в рамках проекта Центра конфликтологии Института социологии РАН "Региональные конфликты"²⁰⁶.

2.3.3 Россия между коллективизмом и индивидуализмом

С давних пор дихотомия "коллективизм – индивидуализм" (соотношение роли индивида в противовес роли группы/коллектива) считается одной из главных характеристик хозяйственно-культурной вариативности.

Индивидуалистической может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее, если не более, важны, чем групповые, а связи между отдельными личностями не обременены сильными обязательствами действовать совместно. *Коллективистская* культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными, люди проявляют изначальную заинтересованность в крепко связанных и сплоченных группах.

Еще мыслители XIX в. указывали, что для русской культуры типична приверженность к коллективизму, чем она коренным образом отличается от приверженных к индивидуализму культур Западной Европы и США. Насколько, однако, это априорное убеждение соответствует результатам практических социологических исследований?

В работах Г. Хофстеда интересующий нас показатель назван "IDV" (Individualism) – "самость", индивидуализм, противоположность высокой роли группы/коллектива. Обобщенная информация о конкретных результатах социологических исследований Г. Хофстеда, А. Наумова и Центра конфликтологии ИС РАН показана в таблице оценок индекса российской национальной культуры по показателю IDV (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

Оценки индекса российской культуры по степени развития индивидуализма, согласно методике Г. Хофстеда

Источники оценок	Индекс IDV
Согласно Г. Хофстеду	39
Согласно А. Наумову	41
Данные ИС РАН по Н. Новгороду	44
Данные ИС РАН по Ярославлю	50,7
Согласно проекту GLOBE	36 (46)
Среднемировой показатель, согласно Г. Хофстеду	50

Составлено по: Hofstede G. Culture`s consequences: Intern Differences in work-related values. California, 2001. P. 502.; Наумов А. Указ. соч. С. 99.

Показатель "индивидуализм – коллективизм" фигурирует также и в материалах проекта GLOBE (см. табл. 2.4). В этом проекте различаются два типа коллективизма:

коллективизм I – степень, в которой институциональные практики поощряют и вознаграждают коллективное распределение ресурсов и коллективные действия;

коллективизм II – степень, в которой индивидуумы подчеркивают лояльность, гордость и взаимозависимость в организациях или семьях.

Таблица 2.4

Результаты исследований GLOBE по России: рейтинг по индивидуализму

Ранг России: организация "как есть"	Ранг России: общество "как должно быть"	Страны с близкими к России показателями
4,45	3,80	Гватемала, Сингапур ²⁰⁷ , Египет, Индонезия, Таиланд, Мексика

Составлено по: Грачев М. Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2. С. 30; Gyula B., Takacs S., Karacsonyi A., Imrek V. Eastern European cluster: tradition and transition // Journal of World Business. 2002. № 37. P. 76.

К хофстедовскому показателю IDV наиболее близка первая трактовка, поэтому в дальнейшем, говоря о показателях коллективизма в проекте GLOBE, будем иметь в виду именно первый тип коллективизма.

Следует учитывать, что в проекте GLOBE под выражением "организация «как должно быть»" подразумеваются представления менеджеров об идеальном состоянии. Эти представления сравниваются с реальным положением дел – с "организацией «как есть»".

Приведение данных к сопоставимому виду²⁰⁸ говорит о том, что Россия – это страна с преобладанием коллективизма, хотя и не очень сильно выраженным. Отметим, что полученные всеми исследователями данные имеют высокую степень близости (см. табл. 2.3).

результаты исследования GLOBE частично соответствуют данным Г. Хофстеда. Особенно это касается показателя властной дистанции. Что касается показателей IDV, то сравнение затруднено тем, что операционализация этих понятий в проекте GLOBE отличается от той, которую применил Г. Хофстед. Существенные различия наблюдаются только по показателю избегания неопределенности.

²⁰⁶ В ходе нижегородского исследования было опрошено 557 респондентов – жителей Нижегородской области и 545 из Ярославской области. При этом использовалась разработанная Н.В. Латовой модификация хофстедовой методологии, предложенной на семинарах EFIL в 1997 г.

(См.: <http://bosz.its.tudelft.nl/stages/Hofstede/hofstede-engels.htm>, <http://www.css.edu/users/dswenson/WEB/CULTU-RE/cultsurvey.htm>).

²⁰⁷ В таблицах по материалам проекта GLOBE подчеркнуты те страны, данные по которым можно найти также и в исследовании Г. Хофстеда.

²⁰⁸ Ориентируясь на классическое исследование Г. Хофстеда, произведем некоторые элементарные математические процедуры с

Как видим, стереотип о русском человеке как закоренелом коллективисте не находит полного подтверждения. Несмотря на общинный тип традиции, на православную церковь, которая поощряла крепкие семейные узы и внутригрупповую поддержку, русский коллективизм, видимо, является во многом формальным институтом. После перестройки коллективистские установки несколько поблекли в связи с пропагандой ценностей предпринимательства. Тем не менее, несмотря на прозападную ориентированность реформ 1990-х гг., современные россияне сохраняют приверженность именно коллективистским ценностям.

Эти количественные оценки можно дополнить предложенной самим Г. Хофстедом качественной интерпретацией, которая дает представление об "идеальных типах" его шкалы (см. табл. 2.5). Поскольку Россия тяготеет, как можно считать доказанным, к коллективистским ценностям, для ее хозяйственной культуры характерны в большей степени именно те коллективистские признаки, что перечислены в третьей колонке данной таблицы, чем индивидуалистические из второй колонки.

Таблица 2.5

Характеристики культуры в зависимости от соотношения индивидуализма и коллективизма, по Г. Хофстеду

Показатели	Индивидуализм	Коллективизм
Самоидентификация	Осознание себя как "Я", идентификация основана на подчеркивании своей индивидуальности	Осознание себя как "Мы", идентификация основана на социальных сетях, к которым принадлежит человек
Субъекты деятельности	Обязанности возлагаются на отдельных индивидов	Обязанности возлагаются на группу в целом
Правосознание	Права и законы одинаковы для всех	Права и законы зависят от принадлежности к группе
Моральные ограничители	Страх потери самоуважения, чувство вины	Страх потери "лица", чувство стыда
Роль государства	Ограниченная роль государства в экономической системе	Главенствующая роль государства в экономической системе
Цели	Главная цель – самовыражение каждого субъекта в обществе	Главная цель – поддержание гармонии и согласия в обществе
Отношения "работодатель – работник"	Отношения "работодатель – работник" строятся по типу семейных связей	Отношения "работодатель – работник" строятся строго на контрактной основе

Составлено по: <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm>; Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.

2.3.4 *Россия между свободой и авторитаризмом*

Другой важный показатель различия между культурами – это дистанция по отношению к власти.

В культурах с *высокой дистанцией по отношению к власти* сама власть рассматривается как наиболее важная часть жизни. Акцент делается на принудительную власть, а подчиненные и руководители находятся на двух разных ее полюсах, что воспринимается как естественный порядок вещей. Для культур с *низкой дистанцией по отношению к власти* характерно мнение, что только легитимная власть подлинна. Основная определяющая самой власти – это ее компетентность, следовательно, и отношения между членами сообщества строятся на уважении к личности и равенстве, а неравенство в отношениях "начальник – подчиненный" не будет одобряться.

Таблица 2.6

Оценки индекса российской культуры по степени дистанции по отношению к власти, согласно методике Г. Хофстеда

Источники оценок	Индекс PDI
Согласно Г. Хофстеду	93
Согласно А. Наумову	40
Данные ИС РАН по Н. Новгороду	47,5
Данные ИС РАН по Ярославлю	46,2

показателями, данными в исследовании GLOBE, для получения числовых показателей, аналогичных тем, которые использовал голландский ученый. Для сопоставления данных необходимо 7-балльную шкалу GLOBE перевести в 100-балльную (заключительные показатели Г. Хофстеда приведены к 100-балльной шкале). Для этого показатели по проекту GLOBE умножаются на 100, а потом делятся на 7. Так, для данных из табл. 2.4 мы имеем $4,45 (3,80) \times 100 : 7 = 64 (54)$. При сравнении необходимо обратить внимание на тот факт, что максимальная выраженность признака по Хофстеду – Наумову свидетельствует об индивидуализме, в то время как в проекте GLOBE – наоборот, о коллективизме. С учетом этого необходимо поменять полярность шкалы в проекте GLOBE, то есть из максимально возможного значения признака (после пересчета он составляет 100) вычесть его реальный показатель. Получаем $100 - 64 (54) = 36 (46)$. Обратим внимание, что, согласно исследованию GLOBE, наиболее близкий к России показатель индивидуализма имеют Гватемала, Сингапур, Египет, Индонезия, Таиланд и Мексика – страны "восточного" типа.

Согласно проекту GLOBE	79 (36)
Среднемировой показатель, согласно Г. Хофстеду	52

Составлено по: Hofstede G. Culture`s consequences: Intern Differences in work-related values. California, 2001. P. 502.; Наумов А. Указ. соч. С. 99.

Компонентами, определяющими тяготение страны в ту или иную крайность, могут быть географические условия, "толщина" среднего слоя, уровень образования и степень технологического развития. Учитывая совокупность этих факторов, чисто умозрительно можно предположить, что Россия тяготеет к культурам с высоким типом дистанции по отношению к власти.

Проверим это предварительное соображение с цифрами в руках.

Таблица 2.7

Результаты GLOBE по России: рейтинг по дистанции власти

Ранг России: организация "как есть"	Ранг России: общество "как должно быть"	Страны с близкими к России показателями
5,56	2,55	<u>Индия</u> , <u>Испания</u> , Германия (бывш. ГДР), Венгрия, <u>Колумбия</u> , <u>Турция</u>

Составлено по: Грачев М. Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2. С. 30; Gyula B., Takacs S., Karacsonyi A., Imrek V. Eastern European cluster: tradition and transition // Journal of World Business. 2002. № 37. P. 76.

Дистанция по отношению к власти как показатель национальной культуры охарактеризован Г. Хофстедом следующим образом: "PDI" (Power Distance) – это отношение к авторитету (авторитаризм), властная дистанция или степень, с которой наделенные относительно меньшей властью члены общества, института или организации в стране ожидают и допускают неравномерность распределения власти²⁰⁹. Конкретные результаты социологических исследований Г. Хофстеда, А. Наумова и Центра конфликтологии РАН показаны в таблице оценок индекса российской культуры по показателю PDI (см. табл. 2.6).

Мимо этого показателя не прошло и международное исследование GLOBE, в котором ранг России по этому показателю оценен как близкий к уровню "продвинутых" развивающихся стран типа Индии или Турции (см. табл. 2.7).

Если перевести показатель GLOBE в шкалу Г. Хофстеда, то Россия относится к когорте стран с высокой дистанцией власти – ее реальный индекс равен 79, а желаемый – 36²¹⁰ (см. табл. 2.6). Отметим, что показатель самого Г. Хофстеда в сравнении с показателем GLOBE опять несколько завышен, в то время как показатель А. Наумова занижен (он близок к оценке не реальной, а желаемой ситуации). Согласно А. Наумову, Россия тяготеет скорее к малой дистанции по отношению к власти. Объяснение этому отклонению можно дать, обратив внимание на статус респондентов А. Наумова, – опрос велся среди представителей управленческого звена или будущих потенциальных руководителей (вряд ли возможно предположить, что в среду слушателей Школы бизнеса мог затесаться рядовой подчиненный или стремящийся им быть).

В сравнении с ранее проводимыми зарубежными исследованиями, а также с учетом многовековых исторических традиций авторитаризма, довольно умеренный числовой показатель, полученный Центром конфликтологии ИС РАН, кажется неожиданным. На основе этого показателя следует полагать, что население Центрального региона России стремится к относительно низкой зависимости от центральной власти, ориентируется скорее на свои собственные нужды, чем на предписания свыше, и выражает желание принимать участие в принятии решений наравне с вышестоящими органами власти. Можно также предположить, что уходит в небытие бытовавшее раньше мнение, будто власть имеет право на все, до чего она может дотянуться, не давая ничего взамен, и ей надо безоговорочно подчиняться, поскольку за ее спиной стоит сила.

В то же время не стоит и переоценивать отмеченные характеристики. На мировом фоне показатель Центрального региона России, как уже отмечалось, близок к среднему значению, в то время как для стран европейской цивилизации типичны гораздо более низкие показатели "дистанции по отношению к власти". Возможно, отмеченная ситуация повышенной "демократичности" является неустойчивой, и в ближайшие годы она может заметно измениться в сторону усиления более привычного для россиян авторитаризма²¹¹.

Таблица 2.8

²⁰⁹ Г. Хофстед, а вслед за ним и А. Наумов определяют этот показатель по реакции подчиненных, полагая ее более соответствующей разнице в дистанции по отношению к власти, чем реакция руководителей.

²¹⁰ Перевод количественного показателя по исследованию GLOBE в шкалу Г. Хофстеда упрощается благодаря однонаправленности шкал, применяемых в обоих исследованиях. Таким образом – $5,56 (2,55) \times 100 : 7 = 79(36)$. Обратим внимание на то, что Индия у Г. Хофстеда имеет точно такой же индекс (77), а Колумбия и Турция близки к нему, чего, правда, не скажешь об Испании.

²¹¹ Косвенным подтверждением вероятности авторитарного "отката" является сравнение современных данных с результатами исследования А. Наумова: по данным обследования 1995-1996 гг. он вывел для Волжского региона показатель "дистанции власти" в 37 баллов (самый низкий среди всех регионов России), что заметно ниже современного. Можно предположить, что Нижегородский регион прошел пик демократизации при Немцове, а после смены местных властей уровень демократичности стал возвращаться к "естественному" (среднему для России) уровню.

Характеристики культуры в зависимости от величины дистанции по отношению к власти, по Г. Хофстеду

Показатели	Малая дистанция по отношению к власти	Большая дистанция по отношению к власти
Отношения зависимости	Низкая потребность в зависимости	Высокая потребность в зависимости
Отношение к неравенству	Неравенство между людьми минимизируется	Неравенство признается нормой
Иерархичность	Иерархия только там, где это удобно	Иерархия как образ жизни
Основа власти	Власть основывается на формальной позиции, опыте и поощрении окружающих	Власть базируется на семейных связях, друзьях, харизме и способности использовать власть
Структура общества	Средний класс многочисленен	Средний класс малочисленен
Дифференциация доходов	Слабые различия в доходах населения, которые уменьшаются за счет налоговой системы	Сильные различия в доходах населения, которые увеличиваются за счет налоговой системы
Отношения между начальниками и подчиненными	Начальники часто недоступны	Начальники обычно доступны
Социальные изменения	Эволюционные	Революционные

Составлено по: <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm>; Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.

Качественная оценка влияния различных типов дистанций власти на хозяйственное поведение дана Г. Хофстедом в форме противопоставления двух наборов полярных характеристик (см. табл. 2.8). Нетрудно заметить, что положение дел в России едва ли не всегда и при любых политических режимах отлично подходит под характеристики именно из последней колонки.

2.3.5 Россия между стабильностью и риском

Еще одно важное измерение хозяйственной культуры, привлечшее внимание этносоциологов, связано с тем, насколько люди допускают в своей жизни наличие неопределенности. Так как чувство неопределенности не является исключительно личной характеристикой человека, а разделяется в той или иной мере членами данного сообщества, то это позволяет разделять культуры по степени нетерпимости к (или избегания) неопределенности.

Представители культур с *высоким уровнем избегания неопределенности* ориентируются на четкие правила или инструкции, отличаются потребностью к формализованным указаниям и нормам поведения, у них высокий уровень тревожности, лихорадочность в работе ("авральность"), склонность к внутригрупповому согласию, а также низкая толерантность к людям или группам с отличающимися идеями или поведением. Эти культуры сильнее сопротивляются любым изменениям и мало склонны к риску в какой бы то ни было форме. В культурах с *низким уровнем избегания неопределенности* принято толерантное отношение к двусмысленностям и неопределенности, субъекты в сложных ситуациях импровизируют или проявляют инициативу, в целом ведут себя и работают более спокойно и систематично, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску. В этих странах наблюдается негативное отношение к введению формализованных правил, поэтому они устанавливаются только в случае крайней необходимости. В целом люди здесь считают, что они способны решать проблемы и без детальных формальных правил.

Например, в обществах с высоким уровнем избегания неопределенности в организациях создаются особенно подробные законы или неформальные правила, которые устанавливают права и обязанности работодателя и наемных работников. Поэтому трудовой контракт, составленный в США, будет заметно короче аналогичного японского контракта. В последнем будет учтено множество деталей, которым американцы не придадут особого значения. Кроме того, в Японии существует множество внутренних правил и инструкций, определяющих распорядок рабочего дня. Таким образом, создается четкая структура, в которой люди стараются в максимально возможной степени избежать случайностей.

В методике Г. Хофстеда этот параметр назван "UAI" (Uncertainty Avoidance) – избегание неопределенности или степень, с которой представители данной культуры воспринимают и реагируют на угрозу от неопределенных и незнакомых ситуаций. Формирование дуализма этой ценностной нормы уходит своими корнями, как полагал Г. Хофстед, во времена Римской империи, основанной на законе (нормах), и Китайской империи, базирующейся на общих выработанных культурой принципах (правилах). Уже в этих раннеклассовых цивилизациях довольно четко прослеживается противоположность между "духом Востока", с его приверженностью к стабильности и традициям, и "духом Запада", готового "все потерять, и вновь начать сначала, не пожалев того, что приобрел". Российская культура, оцененная по хофстедовой методике (см. табл. 2.9), демонстрирует сильное тяготение именно к "духу Востока".

Для сравнения обратимся к данным GLOBE (см. табл. 2.10). Перевод шкалы GLOBE в шкалу Г. Хофстеда дает ранг 41 для реального положения дел и 73 для желаемого²¹². При сопоставлении результатов разных исследований надо учесть, что в проекте GLOBE у России самый низкий "реальный" показатель избегания неопределенности. Такое расхождение этого показателя по проекту GLOBE с данными других исследований можно объяснить только полным расхождением операционализации самого показателя.

Таблица 2.9

²¹² Переведя шкалу GLOBE в 100-балльную, получаем следующие числовые показатели: $2,85 (5,09) \times 100 : 7 = 41 (73)$.

**Оценки индекса российской культуры
по степени избегания неопределенности, по методике Г. Хофстеда**

Источники оценок	Индекс UAI
Согласно Г. Хофстеду	95
Согласно А. Наумову	68
Данные по Н. Новгороду	-
Данные по Ярославлю	51,1
Согласно проекту GLOBE	41(73)
Среднемировой показатель, согласно Г. Хофстеду	64

Составлено по: *Hofstede G. Culture`s consequences: Intern Differences in work-related values. California, 2001. P. 502.; Наумов А. Указ. соч. С. 99.*

В целом, опираясь на большинство исследований, можно сделать вывод, что Россия относится к странам с высоким избеганием неопределенности, для которых регламентация и предписанные правила значат очень многое, – не зря же говорится, что инициатива в России наказуема.

Таблица 2.10

**Результаты GLOBE по России:
рейтинг по избеганию неопределенности**

Ранг России: организация "как есть"	Ранг России: общество "как должно быть"	Страны с близкими к России показателями
2,85	5,09	Венгрия, Гватемала, Боливия, <u>Греция</u> , <u>Венесуэла</u> , Грузия

Составлено по: *Грачев М. Менеджмент в "международной системе координат" // Экономические стратегии. 1999. № 2. С. 30; Gyula B., Takacs S., Karacsonyi A., Imrek V. Eastern European cluster: tradition and transition // Journal of World Business. 2002. № 37. P. 76.*

Высокие показатели избегания неопределенности для России, скорее всего, объясняются тем, что в ситуации постоянной экономической неопределенности люди стремятся хоть как-то упрочить свои позиции, добиться стабильности в бурлящем вокруг них потоке. Привычка к гарантированному образованию, медицинскому обслуживанию и, наконец, сохранению рабочего места вряд ли сможет выветриться у бывшего советского человека, который все еще составляет большинство в современном российском обществе. С другой стороны, российские предприниматели, которым по самому статусу пристало больше рисковать, совсем не стремятся усложнять себе и без того нелегкую жизнь и выступают за подробные правила и инструкции.

Крайние положения по шкале избегания неопределенности могут быть качественно интерпретированы, по мнению Г. Хофстеда, так, как показано в таблице (см. табл. 2.11). Здравый смысл и житейский опыт подтверждают, что для России, действительно, во многом типичны именно те признаки, которые перечислены в последней колонке.

Таблица 2.11

**Характеристики культуры
в зависимости от степени избегания неопределенности, по Г. Хофстеду**

Показатели	Слабое избегание неопределенности	Сильное избегание неопределенности
Формализованность отношений	Стремление к небольшому количеству обязательных правил	Потребность в детальных законах и правилах, даже если они не работают
Мотивация	Главным является достижение	Главным является защищенность
Отношение к работе	Работа до изнеможения не приветствуется	Внутренняя потребность работать усердно, трудоголизм
Отношение к конфликтам	Конфликты и соревнование рассматриваются как "игра по правилам"	Конфликты рассматриваются как угроза стабильным отношениям
Отношение к разногласиям	Принятие разногласий как нормы	Потребность в консенсусе
Отношение к риску	Готовность рисковать	Стремление уклоняться от неудач
Отношение ко	Время необходимо для	Время – деньги

Составлено по: <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm>; Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.

2.4 Россия – Евразия или "Азиопа"?

Попытаемся теперь дать максимально четкий ответ на поставленный ранее вопрос – к какой именно модели рыночного хозяйства предрасположена наша страна в силу особенностей своей экономической ментальности? Для ответа на этот вопрос охарактеризуем сначала спектр этих моделей.

2.4.1 Типология национальных моделей экономики как проекция типологии хозяйственных культур

В мире нет двух стран, экономика которых была бы полностью похожа друг на друга. Однако все же можно выделить определенные региональные группы стран, чьи хозяйственные системы – при всех их различиях – все же типологически однородны. Если национальная модель экономики формируется под влиянием национальной хозяйственной ментальности, то региональные модели отражают определенные "суперэтнические" особенности хозяйственных культур.

Изучение взаимовлияния экономики и культурных традиций, как известно, берет начало с работ великого немецкого социолога М. Вебера, исследовавшего в начале XX в. влияние изменений в религиозном мировоззрении на генезис капиталистического предпринимательства. Именно с его легкой руки сформировалась традиция анализировать экономическую культуру сквозь призму национально-религиозных традиций. Соответственно, основные типы региональных хозяйственных культур считаются совпадающими с главными религиозными конфессиями: выделяют протестантскую экономическую этику, католическую, православную, исламскую, индо-буддийскую и конфуцианскую.

Общепризнанно, что эти хозяйственные культуры, формирующие национальные типы экономической ментальности, оказывают очень разное влияние на процессы рыночной модернизации – одни ее ускоряют, а другие тормозят. Мы уже указывали, что даже внутри христианства четко прослеживается определенная иерархия: если протестантизм наиболее благоприятен для развития капиталистических отношений, то католицизм умеряет их крайности, а православие препятствует капитализму.

Конфуцианская экономическая культура стала первой (и пока единственной) реальной альтернативой хозяйственной культуре "западного" капитализма. Конфуцианство – это мировоззрение, строго подчиняющее личность интересам коллектива (государства, общины, клана, семьи), проповедующее отказ от личного в пользу общественного. Следовать указаниям старших, ведущих тебя по правильному пути; постоянно совершенствоваться; чтить высокую мораль, ставя ее выше низменной материальной выгоды, — таковы заповеди конфуцианского образа жизни. Конфуцианство было отличным фундаментом для доиндустриальной командной экономики (азиатского способа производства), но парадоксальным образом оно отлично подошло и для современного общества, переживающего научно-техническую революцию. Санкционируемые конфуцианской (корпоративной) этикой высокая трудовая дисциплина и слаженный коллективный труд стали в странах Дальнего Востока основой постиндустриальной экономики, которая требует не столько выдающихся "звезд", сколько спаянных "коллективных работников". В наши дни "свет с Востока" становится ориентиром развития и для западного предпринимательства, пытающегося отказаться от крайностей индивидуализма, развивая корпоративную этику.

Среди исламских и индо-буддистских стран пока нет выдающихся примеров успешного самобытного экономического развития (за исключением, может быть, Турции). Одной из причин этого являются именно особенности хозяйственной культуры — и в исламской, и в индо-буддистской культурах индивид слишком растворен в коллективе, а индивидуальная энергия, инициатива, упорство в достижении цели и вообще интерес к мирским благам отнюдь не одобряются (хрестоматийный восточный фатализм).

Таким образом, наиболее "жизнеспособными" экономическими культурами являются в настоящее время протестантская (американская), католико-протестантская (западноевропейская) и конфуцианская (дальневосточная).

Поскольку существуют три ведущих типа экономической культуры, которые удачно сочетаются с рыночным механизмом, постольку эффективные национальные модели рыночного хозяйства группируются в три основных региональные разновидности:

1) *англо-саксонская либеральная модель* ("протестантский капитализм" - США, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия), для которой характерна тенденция минимизации государственного регулирования, основанного в основном на правовом регулировании хозяйственной жизни;

2) *западноевропейская (континентальная) социал-демократическая модель* ("католико-протестантский капитализм" - Франция, Скандинавские страны, Германия и большинство прочих стран Западной Европы), предполагающая "сильное" государство, активно участвующее в хозяйственной жизни, причем главное внимание уделяется социальной политике;

3) *дальневосточная патриархально-корпоративная модель* ("конфуцианский капитализм" - Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай), когда "сильное" государство активно регулирует и направляет хозяйственную жизнь страны, занимаясь преимущественно стратегией экономического роста.

Именно из этих трех основных типов современные россияне и должны выбирать "делать жизнь с кого". Однако этот выбор отнюдь не абсолютно свободен: характеристики отечественной экономической ментальности предопределяют силы притяжения к одним региональным моделям и отталкивания от других.

2.4.2 Путь России – путь на Восток?

Построим, используя данные Г. Хофстеда (см. табл. 2.2), "карту" вариативности основных ценностных показателей разных стран мира и укажем на ней место России. Эта "карта" покажет нам, чей опыт хозяйственного развития будет для

России самым полезным: наиболее подходящим для нее будет опыт тех стран, которые наиболее близки к ней по своей хозяйственной культуре.

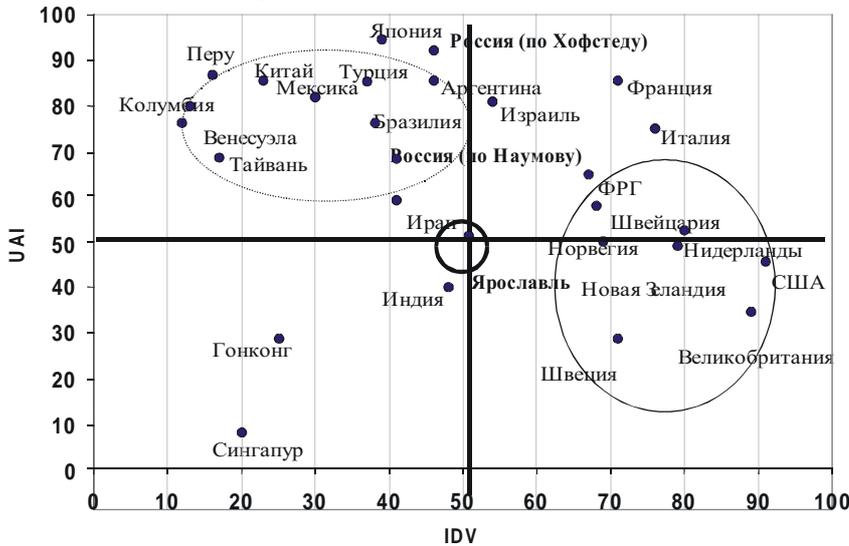

Рис. 2.8. Корреляции между рангами избегания неопределенности (UAI) и индивидуализма (IDV) в различных национальных культурах

Эту "карту" можно сделать трехмерной, откладывая на осях координат ранги стран по степени индивидуализма (IDV), дистанции власти (PDI) и избегания неопределенности (UAI)²¹³. На графиках показаны три двухмерные проекции этой "карты", показывающие корреляции между IDV и PDI (см. рис. 2.10), между IDV и UAI (см. рис. 2.8), а также между PDI и UAI (см. рис. 2.9). Для облегчения восприятия графиков на них указаны данные не по всем странам, измеренным "общим аршином" Г. Хофстеда, а лишь по 25, включая Россию.

Многие обществоведы заявляют, будто никаких различий между западной и восточной ментальностью на самом деле нет. На наших картинках центр группировки стран Запада выделен сплошной линией, стран Востока – пунктиром. Видно, что эти две группы довольно сильно отстоят друг от друга (Киплинг, как видно, был хорошим этносоциологом: "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись"). Наиболее четко это видно на рис. 2.10. Страны западноевропейской культуры (Запад) сгруппированы в правом нижнем углу, для них типичны сильный индивидуализм и низкая дистанция власти. Страны же Азии, Африки и Латинской Америки (Восток) сгруппированы в левом верхнем углу, демонстрируя слабый индивидуализм и высокую дистанцию власти.

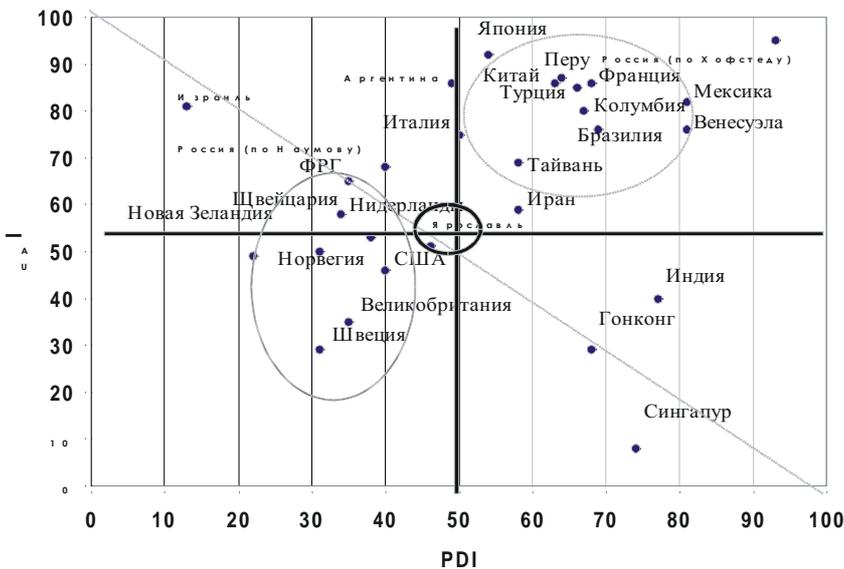

Рис. 2.9. Корреляции между рангами избеганием неопределенности (UAI) и дистанции по отношению к власти (PDI) в различных национальных культурах

Различия между Востоком и Западом можно также интерпретировать по А. Гершенкرون, как различия между разными эшелонами развития капитализма:

²¹³ Следует оговорить один существенный недостаток этого сравнения: хотя данные и относятся к одному и тому же промежутку времени – 1990-м гг., но показатели для России и для зарубежных стран были получены при помощи разных модификаций одного и того же исследовательского опросника.

- 1) для хозяйственной культуры стран первого эшелона развития капитализма (развитые страны европейской цивилизации) характерны сильный индивидуализм (ранги порядка 60 – 90), низкая дистанция власти (ранги порядка 20 – 40) и высокая готовность к риску (ранги избегания неопределенности порядка 30 – 60);
- 2) для стран второго эшелона развития капитализма (Япония, НИС Азии и Латинской Америки, некоторые слаборазвитые страны Европы) типичны слабый индивидуализм (ранги порядка 10 – 50), высокая дистанция власти (ранги порядка 50 – 80) и сильное избегание неопределенности (ранги порядка 65 – 90).

К какой же группе наиболее близка на этой "карте" наша страна?

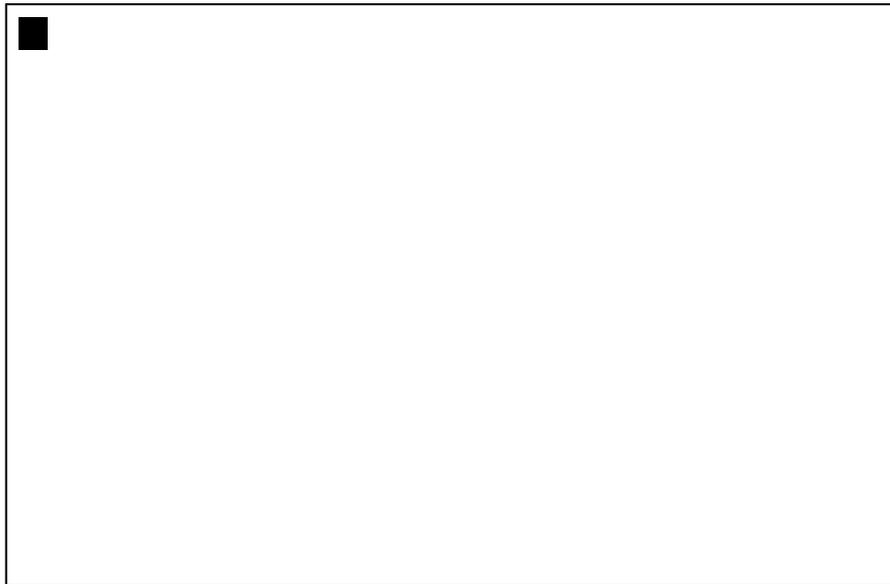

Рис. 2.10. Корреляции между рангами дистанции по отношению к власти (PDI) и индивидуализмом (IDV) в различных национальных культурах

Данные по России показывают, что она занимает промежуточную позицию между странами Востока и Запада (область, выделенная жирной линией), будучи несколько ближе к Востоку²¹⁴. Аналогичный вывод о серединном положении России ранее был уже сделан В.А. Ядовым, также использующим в своих исследованиях хофстедовский подход: "В обследовании 518 рабочих и представителей администрации машиностроительных заводов (от Москвы до Волгограда) мы к немалому удивлению обнаружили, что индекс «индивидуализм – коллективизм» в российской выборке имеет средние значения, причем на «полюсах» – соответственно китайцы и американцы"²¹⁵.

Таким образом, Россию нельзя считать ни Западом, ни Востоком – речь может идти только о тяготении к первой или второй группе стран.

Для того чтобы достоверно утверждать, к чему российская культура ближе, к Востоку или к Западу, был проведен кластерный анализ по всем четырем показателям²¹⁶. Кластеризация на две группы представленных на наших рисунках 25 стран дала следующие результаты:

1-я группа (Норвегия, Швеция, Нидерланды, ФРГ, Швейцария, Италия, Великобритания, США, Новая Зеландия и Израиль) дают нам кластер стран, имеющих западную ориентацию ("Запад");

2-я группа (Перу, Тайвань, Китай, Сингапур, Гонконг, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Турция, Иран, Индия, Франция, Япония и Россия, представленная Ярославлем и Нижним Новгородом) – это блок стран с восточной моделью развития ("Восток").

Может показаться, что отнесение Франции во вторую группу выглядит диссонансом. Однако место Франции в одном ряду со странами, имеющими восточные черты развития, кажется нам тем исключением, которое подтверждает правило. Многие ученые отмечают, что исторически во Франции рынок почти всегда играл заметно меньшую роль, чем контроль со стороны государства. Более того, французское общество традиционно воспринимает бизнес с негативной точки зрения (т.е. для него, как и для российского общества, характерна "антикапиталистическая ментальность"). Это явное отличие Франции от других государств континентальной Европы ясно и четко осознается французским правительством. На все предложения внести изменения во французскую модель экономики по аналогу Америки французы отвечают хорошо продуманным отказом. Даже представитель правых Ж. Ширак подчеркнул в 1997 г. на встрече "большой семерки" в Денвере: "Мы испытываем к другим глубочайшее уважение, но у нас есть собственные традиции, собственная модель, и мы хотим их сохранить"²¹⁷.

²¹⁴ Схожие черты характерны, видимо, и для народов других постсоветских государств. Исследование по методике Г. Хофстеда, проведенное в 1999 г. на Украине под руководством И.В. Агеевой, дало показатели, довольно близкие к российским: индекс индивидуализма – 53, дистанции по отношению к власти – 70, избегания неопределенности – 63. См.: http://www.stcu.kiev.ua/tr_kiev_2/cd-web/materials/ageeva/index.htm. В Эстонии дистанция по отношению к власти – 40, а индивидуализм – 60. См.: <http://rus.delfi.ee/download/table2.doc>

²¹⁵ Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 349 – 363.

²¹⁶ Напомним, что представленные здесь три показателя не описывают культуру в целом. Для того чтобы делать окончательный вывод о преобладании восточной или западной ориентации российской экономической ментальности, нам пришлось для кластеризации добавить четвертый показатель Г. Хофстеда. *Мужественность* (MAS – Masculinity) – это степень, с которой господствующие в обществе ценности тяготеют к напористости, жесткости и сосредоточены на материальном успехе, игнорируя интерес к людям и условиям жизни.

²¹⁷ The Economist. 1995. 5.06. A Survey on France. P. 3.

Итак, следует сделать вывод, что *хозяйственная культура россиян допускает освоение ими рыночного хозяйства, но, скорее всего, не в классической (англо-саксонской) модификации, а либо в периферийной ("восточной"), либо в модификации некоторых стран Западной Европы*²¹⁸. Это не значит, что англо-саксонские институты в России вообще невозможны, но их имплантация (импорт) будет требовать преодоления сильной "реакции отторжения", в то время как "генетически близкие" институты стран Востока встретят в нашей стране более благоприятный прием. Выбирая образцы для подражания, будем помнить, что искусство реформ есть умение не насиловать природу вещей, а использовать ее. Поскольку Россия – скорее "Азиопа", чем Евразия, то, соответственно особенностям экономической ментальности ее граждан, нашей стране нужно ориентироваться на модель не "протестантского", а "конфуцианского" капитализма. Видимо, нам надо чаще смотреть не на Запад, о "закате" которого писал еще О. Шпенглер, но на Восток, который переживает "восход". Именно туда и должна стремиться Россия в XXI веке.

* * *

В последующих главах мы подробно рассмотрим, как особенности экономической ментальности россиян, вкупе с современными изменениями в институционально-правовом пространстве и условиях жизнедеятельности массовых субъектов микроуровня, сказываются на доминирующих способах и нормах экономического поведения, а следовательно, и на особенностях и перспективах институциональных перемен в России.

Но прежде чем переходить к характеристике отдельных направлений хозяйственной деятельности, попытаемся бросить "взгляд с высоты" и указать на то место, которое занимают индивиды и домохозяйства в новом институциональном пространстве в постсоветской России.

²¹⁸ Отметим, что данные, которые получают ученые, работающие по методикам, отличным от методики, примененной Г. Хофстедом (Ш. Шварц, Ф. Тромпенаарс, Р. Хоуз и Р. Ингелхарт), в целом тоже относят российскую ментальность к разряду восточной.